

На правах рукописи

ШУКУРОВ ГУЛНАЗАР ХОЛОВИЧ

**ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В СОВРЕМЕННОМ
ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
(на материале художественной прозы XX-XXI веков)**

**Специальность: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(таджикский язык)
(филологические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

ДУШАНБЕ – 2026

Работа выполнена на кафедре современного таджикского литературного языка факультета таджикской филологии Таджикского национального университета.

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Таджикского национального университета Джураева Мушаррафа Рустамовна

Официальные оппоненты:

1. **Низомова Санобар Фахриевна** – доктор филологических наук, заведующая кафедрой таджикского языка Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибни Сино;

2. **Мухторов Зайниддин Мухторович** – доктор филологических наук, ректор филиала Сингапурского института развития менеджмента в городе Душанбе;

3. **Юсупова Зарина Розиковна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава.

Ведущая организация:

Таджикский государственный педагогический университет имени Садриддина Айни.

Защита состоится «**23**» **декабря 2026** года в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 73.1.015.02 в Институте гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова НАНТ, 736001, г. Хорог, ул. У. Холдорова, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института гуманитарных наук им. академика Б. Искандарова НАНТ и на сайте Института www.ign.tj

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
Д 73.1.015.02, кандидат филологических наук

Некушоева Ш.С

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена системному описанию формул речевого этикета современного таджикского литературного языка. В центре исследования находятся устойчивые коммуникативные единицы, посредством которых участники общения устанавливают и поддерживают речевой контакт, выражают уважение, просьбу, благодарность, извинение, поздравление, сочувствие, одобрение и иные социально значимые отношения. Материалом для наблюдений послужила таджикская художественная проза XX-XXI веков, позволяющая рассматривать эти формулы не изолированно, а в конкретных речевых ситуациях, в связи с характером персонажей, их возрастом, социальным положением, степенью близости и культурной средой.

Речевой этикет относится к тем областям языка, где особенно отчётливо проявляется связь собственно языкового и общественного. Выбор формы обращения, местоимения, приветствия либо просьбы зависит не только от грамматической нормы. Он одновременно отражает принятые в обществе представления о вежливости, допустимой дистанции, почтении к старшим, уважении к должности и ответственности говорящего за произнесённое слово. Поэтому формулы речевого этикета представляют интерес и как единицы коммуникативной системы языка, и как носители культурной памяти.

Таджикская речевая традиция складывалась на протяжении длительного исторического времени. В ней соединены древнеиранские нравственные представления, нормы исламской культуры, классическое персидско-таджикское письменное наследие и опыт живого народного общения. В XX столетии эта традиция испытала сильное воздействие общественно-политических преобразований. Изменились формы социальной иерархии, расширилась образовательная и профессиональная коммуникация, появились новые официальные обращения. После обретения государственной независимости вновь активизировался интерес к отдельным национальным и исторически закреплённым формулам. В результате современная система речевого этикета включает единицы разного происхождения и времени: исконные таджикско-персидские, арабские, возникшие или переосмысленные в советскую эпоху, а также новые формы официального и повседневного общения.

Художественная проза имеет для изучения этой системы особое значение. Авторский текст сохраняет не только нормативные выражения, но и живую разговорную вариативность: неполные реплики, эмоциональные обращения, сочетание слова с жестом, изменение интонации, случаи иронического или сниженного употребления почётных наименований. В диалогах художественных произведений одна и та же формула может выступать знаком искреннего уважения, привычной вежливости, подчеркнутой зависимости, ласки, насмешки либо скрытого конфликта. Именно контекст позволяет установить её реальное коммуникативное содержание.

Обращение к прозе разных периодов даёт возможность проследить историческую динамику этикетных единиц. В произведениях, изображающих дореволюционную действительность, широко представлены обращения *тақсир* «ваша милость», *домулло* «учёный богослов», *эшон* «духовный наставник», *чаноб* «господин», *шариатпаноҳ* «защитник шариата», *қозикалон* «верховный судья», а также формулы религиозного благопожелания. В текстах советского времени заметно возрастает употребление слов *муаллим* «учитель», *усто* «мастер», *рафиқ* «товарищ», *раис* «председатель», «руководитель», а также профессионально-должностных наименований. Современная проза фиксирует сосуществование традиционных приветствий *салом* и *ассалому алайкум*, возвращение слова *дуруд*, употребление нейтральных и официальных форм просьбы, а также новые оттенки привычных обращений. Следовательно, развитие речевого этикета состоит не в простой замене старого новым, а в перераспределении функций, стилистических оттенков и сфер употребления.

Актуальность темы исследования. Актуальность работы определяется прежде всего необходимостью целостного описания таджикских формул речевого этикета как самостоятельного объекта коммуникативной лингвистики. В отечественном языкознании накоплены значимые наблюдения по культуре речи, категории уважения, риторике и истории литературного языка, однако жанровая организация, семантика, структура и развитие этикетных формул на обширном материале художественной прозы до настоящего времени не были сведены в единую систему.

Не менее важен исторический аспект проблемы. Перемены XX-XXI веков затронули не только словарный состав таджикского языка, но и привычные способы общения. Утрата прежних сословных отношений, распространение школьного образования, изменение административной системы, урбанизация, миграция, расширение средств массовой коммуникации и межкультурных контактов повлияли на состав обращений, степень официальности высказывания и способы выражения уважения. Научное описание этих процессов позволяет разграничить устойчивые национальные модели, исторически маркированные формы и новые коммуникативные явления.

Актуальность исследования связана также с практическими задачами культуры речи. Формула, грамматически допустимая вне ситуации, может оказаться неуместной в конкретном общении. Особенно заметно это в официальных просьбах, обращениях к старшим, использовании местоимений *ту* «ты» и *Шумо* «Вы», а также в выборе между нейтральным, почтительным и фамильярным тоном. Выявление норм и вариантов таджикского речевого этикета важно для преподавания языка, подготовки учебников, составления словарей и формирования коммуникативной компетенции.

Наконец, исследование актуально для лингвокультурологии. В формулах приветствия, благопожелания, приглашения, утешения и прощания закреплены представления о гостеприимстве, семейной близости, уважении к

старшим, религиозно-нравственной ответственности и ценности доброго слова. Их анализ показывает, каким образом язык сохраняет национальный опыт и приспособливает его к меняющимся условиям жизни.

Степень научной разработанности темы. Теоретическое изучение речевого этикета получило последовательное развитие в русской и европейской лингвистике. Существенное значение имеют труды В. Г. Костомарова, А. А. Акишиной, Н. И. Формановской, Л. А. Введенской, В. Е. Гольдина, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, И. А. Стернина, Т. В. Лариной, А. Вежбицкой и других исследователей. В этих работах речевой этикет рассматривается как система устойчивых формул, регулирующих контакт между собеседниками, а выбор конкретной единицы связывается с речевой ситуацией, социальной ролью адресанта и адресата, степенью официальности и национально-культурной нормой [2; 12; 25; 34–38].

Для настоящей диссертации важны исследования речевых жанров и диалогической коммуникации, восходящие к идеям М. М. Бахтина и развитые в трудах В. В. Дементьева, Т. В. Шмелёвой, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой и других авторов. Эти подходы позволяют рассматривать приветствие, просьбу, извинение либо поздравление не как отдельное слово, а как жанрово организованное речевое действие, имеющее типичную цель, композицию, набор языковых средств и ожидаемую ответную реакцию [3; 13; 14; 18; 24].

В таджикском языкознании предпосылки исследования речевого этикета представлены в работах, посвящённых культуре речи, риторике, стилистике, истории языка и средствам выражения почтительности. Существенную теоретическую опору составляют труды Б. Камолиддинова, М. Шукурова, Т. Зехни, М. Н. Косимовой, Г. Маджидова, П. Джамшедова, Д. Ходжаева, Ш. Кабирова, С. Анвари, М. Р. Джураевой, Б. Бобожоновой и других учёных [6; 7; 15; 16; 19; 20; 31; 32]. Отдельные аспекты устойчивых форм общения рассматривались применительно к языку классической литературы, средствам массовой информации, категории уважения и коммуникативно-прагматической организации текста.

Важной частью научного контекста является классическое персидско-таджикское наследие. В «Кобуснома» Унсурулмаоли Кайковуса, «Гулистане» Саади, дидактических сочинениях и памятниках нравственной литературы последовательно осмысляются правдивость, уместность, сдержанность и ответственность речи. Эти источники не дают современной лингвистической классификации, однако содержат культурные основания тех норм, которые позднее закрепились в формулах общения.

При наличии значительного числа общетеоретических и частных исследований современная система таджикских формул речевого этикета остаётся описанной неравномерно. Недостаточно изучены её внутренняя жанровая организация, соотношение простых и сложных моделей, взаимодействие вербальных и невербальных средств, а также исторические изменения, прослеживаемые по текстам XX–XXI веков. Настоящая диссертация направлена на восполнение именно этого пробела.

Объектом исследования являются прозаические произведения таджикских писателей XX–XXI веков, в которых представлены различные формы речевого этикета.

Предмет исследования составляют формулы таджикского речевого этикета, выраженные словами, словосочетаниями, простыми и сложными предложениями и функционирующие в жанрах обращения, приветствия, просьбы, благодарности, поздравления, извинения, утешения, комплимента, похвалы, прощания и других коммуникативных ситуациях.

Материал исследования. Эмпирическую основу исследования составили произведения таджикской художественной прозы XX–XXI веков, отобранные и проанализированные автором в 2019–2023 годах. Общий объём обследованного текстового материала составил более 780 страниц. В результате сплошной и направленной выборки был сформирован исследовательский корпус, включающий около 4500 контекстов употребления формул речевого этикета. Число 4500 обозначает общее количество зафиксированных контекстов, а не количество различных формул речевого этикета. В числе анализируемых авторов – С. Айни, С. Улугзода, Дж. Икромии, Ф. Мухаммадиев, А. Самад, Бахманёр, Сорбон, Б. Абдурахмон и другие представители таджикской прозы.

Отбор примеров осуществлялся с учётом их коммуникативной определённости: фиксировались не только устойчивые формулы, но и сведения о говорящем и адресате, ситуации общения, сопровождающих жестах, эмоциональной реакции и месте реплики в диалоге. Такой подход позволяет отличить собственно этикетное значение от случайного совпадения словесной формы.

Цель исследования заключается в выявлении семантических, структурных и функциональных особенностей формул таджикского речевого этикета в художественной прозе XX–XXI веков и в определении основных тенденций их развития в современном таджикском литературном языке.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические основы изучения речевого этикета и его формул в современном языкознании;
- определить факторы формирования и развития формул таджикского речевого этикета;
- охарактеризовать жанровую систему формул таджикского речевого этикета;
- проанализировать формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения, утешения и другие устойчивые речевые модели;
- выявить семантические и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета в художественной прозе XX–XXI веков;
- определить структурные типы формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке;

- рассмотреть простые и сложные формулы речевого этикета и особенности их употребления;
- показать роль художественной литературы как источника изучения формул таджикского речевого этикета;
- проанализировать связь формул речевого этикета с национальной культурой и нормами речевого поведения;
- выявить основные тенденции развития формул таджикского речевого этикета в современном литературном языке.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Работа опирается на положения коммуникативной лингвистики, теории речевых жанров, лингвопрагматики, стилистики и лингвокультурологии. Существенное значение имеют представления о двустороннем характере общения, исторической обусловленности языковых процессов и системной организации языковых единиц. При рассмотрении таджикского материала учитывается связь речевой формы с культурной нормой и социальной ситуацией.

Методы исследования. В диссертации использованы описательный, классификационный, структурно-семантический, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный и коммуникативно-прагматический методы. Описательный метод применялся для выявления и систематизации формул речевого этикета, представленных в таджикской художественной прозе XX–XXI веков. Классификационный метод использовался при распределении исследуемых единиц по жанровым, семантическим и структурным группам. Структурно-семантический анализ позволил определить способы построения этикетных формул и особенности выражаемых ими значений. Контекстуальный и коммуникативно-прагматический методы применялись для установления функций этикетных единиц в конкретных речевых ситуациях с учётом отношений между участниками общения, их социального положения, возраста, степени знакомства, коммуникативных намерений и эмоционального состояния. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить изменения, происходившие в составе, структуре и функционировании формул речевого этикета на разных этапах развития современного таджикского литературного языка.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного исследования формул таджикского речевого этикета как целостной системы устойчивых коммуникативных единиц. Новизна работы определяется не введением отдельных ранее не замеченных выражений, а системным описанием их жанровой, семантической, стилистической, структурной и исторической организации.

Впервые предложена развёрнутая жанровая классификация таджикских этикетных формул, включающая обращения, приветствия и формулы речевого контакта, комплименты, похвалу и ответные реакции, просьбы, поздравления, извинения, утешения и другие модели [30]. Установлено, что жанры не существуют изолированно: просьба может включать обращение, смягчающее извинение и предварительную благодарность; поздравление –

похвалу и благопожелание; утешение – совет, молитвенную формулу и выражение сочувствия.

На материале прозы XX-XXI веков выявлены основные исторические тенденции: сохранение традиционных форм; переход части религиозно и сословно маркированных обращений в пассивный или художественно-исторический слой; появление новых профессиональных и административных наименований; семантическое переосмысление привычных единиц; возвращение отдельных таджикско-персидских форм в период независимости.

Предложено структурное разграничение простых и сложных формул. Простыми признаются отдельные слова, краткие обращения и устойчивые реплики, способные самостоятельно реализовать коммуникативное намерение. Сложные формулы представлены словосочетаниями, распространёнными обращениями, простыми и сложными предложениями, а также развернутыми диалогическими построениями. Установлена переходная зона, в которой краткая единица расширяется обращением, эпитетом, повтором, благопожеланием или пояснением.

Невербальные средства впервые системно рассматриваются в непосредственной связи со словесными формулами. Жест, мимика, взгляд, положение рук, вставание перед старшим, рукопожатие и приглашение к дастархану не просто сопровождают реплику, а могут уточнять её почтительность, искренность, эмоциональную напряжённость или иронический смысл.

Раскрыта национально-культурная обусловленность таджикского речевого этикета. Показано, что формы обращения, благопожелания, гостевого приглашения, соболезнования и семейного общения отражают уважение к старшим, особую роль родственных отношений, гостеприимство, сдержанность и нравственную ценность слова.

Сформулирована концепция развития формул таджикского речевого этикета в XX-XXI веках как процесса взаимодействия трёх начал: культурной преемственности, социально-исторического изменения и внутреннего обновления литературного языка. В рамках этой концепции формула рассматривается как динамическая единица, способная сохранять оболочку при изменении значения либо, напротив, обновлять форму при сохранении основной этикетной функции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формулы таджикского речевого этикета образуют особую подсистему современного литературного языка. Они обладают устойчивостью, воспроизводимостью и типовой коммуникативной направленностью, но их конкретное значение определяется ситуацией общения и отношениями между собеседниками.

2. Жанровая организация таджикского речевого этикета включает взаимосвязанные формулы обращения, приветствия, просьбы, поздравления, извинения, утешения, комплимента, похвалы и ответной реакции. Каждая

группа имеет собственную цель, лексико-грамматические средства и ожидаемую реакцию адресата.

3. Развитие этикетных формул обусловлено взаимодействием языковых факторов – словообразования, заимствования, семантического изменения, структурного расширения и стилистической дифференциации – с историческими, социальными, возрастными, статусными, семейными и религиозно-культурными условиями общения.

4. Художественная проза XX-XXI веков является важным источником изучения таджикского речевого этикета, поскольку фиксирует формулы в контексте живого диалога и позволяет проследить их историческую изменчивость, стилистическую окраску и характерологическую функцию.

5. Простые и сложные формулы различаются объёмом, синтаксическим строением, степенью распространённости и способом выражения коммуникативного намерения. Между двумя группами существует переходная зона, свидетельствующая о структурной подвижности системы.

6. Семантика этикетной формулы складывается из прямого значения, интонации, контекста, эмоционально-оценочного компонента и социальных параметров общения. Одно и то же обращение способно выражать почтение, близость, зависимость, иронию или конфликтное отношение.

7. Вербальные и невербальные средства образуют единый комплекс таджикского коммуникативного поведения. Жест и поза могут подтверждать словесную формулу, усиливать её или вступать с ней в смысловое противоречие.

8. Историческая динамика таджикского речевого этикета определяется сочетанием устойчивости и обновления: традиционные национально-культурные модели сохраняются, часть архаических единиц сужает сферу употребления, новые формулы включаются в язык, а некоторые исторические формы возвращаются в современную коммуникацию с обновлённой стилистической функцией.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятия формулы речевого этикета применительно к таджикскому языку, в разработке жанровой и структурной классификации, а также в обосновании связи этикетной единицы с национально-культурной нормой и историческим развитием литературного языка. Результаты работы расширяют возможности коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического описания таджикской речи.

Практическая значимость определяется возможностью применения выводов и собранного материала в преподавании современного таджикского литературного языка, лексикологии, стилистики, культуры речи и коммуникативной лингвистики. Корпус примеров может стать основой словаря формул таджикского речевого этикета, учебных пособий и специальных курсов по межкультурному общению.

Соответствие темы паспорту научной специальности. Тема соответствует специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (таджикский язык), поскольку исследование направлено на описание

семантики, структуры, функционирования и исторической динамики единиц современного таджикского литературного языка.

Личный вклад соискателя заключается в постановке проблемы исследования, отборе и систематизации фактического материала, формировании авторского исследовательского корпуса, включающего около 4500 контекстов употребления формул речевого этикета, а также в их жанровой классификации, семантико-стилистическом, структурном и коммуникативно-прагматическом анализе. Автором разработана концепция развития формул таджикского речевого этикета в XX–XXI веках как процесса взаимодействия культурной преемственности, социально-исторических изменений и внутреннего обновления литературного языка. Определены также перспективные направления дальнейшего лексикографического и учебно-методического описания исследуемых единиц.

Достоверность результатов обеспечивается объёмом фактического материала, привлечением произведений разных этапов развития таджикской прозы, сочетанием нескольких методов анализа и соотнесением частных наблюдений с общими выводами коммуникативной лингвистики и истории языка.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены и обсуждены на республиканских и международных научных, научно-практических и научно-теоретических конференциях, посвящённых проблемам таджикского речевого этикета, коммуникативного поведения, культуры речи и функционирования устойчивых речевых формул в современном таджикском литературном языке. Основное содержание диссертации отражено в одной монографии и 27 научной статье, в том числе в 16 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК Российской Федерации, и в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК при Президенте Республики Таджикистан. Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедр современного таджикского литературного языка, стилистики и литературного редактирования, истории языка и типологии, таджикского языка и методики его преподавания факультета таджикской филологии Таджикского национального университета (протокол № 11 от 10 июня 2026 года) и рекомендована к защите.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, объединяющих основные разделы и подразделы исследования, выводов и рекомендаций, а также списка использованной литературы, включающего научные труды и источники таджикской художественной прозы. Общий объём диссертации составляет 371 страниц компьютерного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется степень её изученности, формулируются цель и задачи исследования, устанавливаются объект и предмет работы, характеризуются источники, методы и методологические основания анализа. Раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся положения, выносимые на защиту. Формулы речевого этикета рассматриваются как устойчивые коммуникативные единицы современного таджикского литературного языка, обладающие собственной семантикой, структурой, стилистической окраской и сферой употребления.

Первая глава **«Теоретические основы исследования формул речевого этикета в современном языкознании»** – посвящена определению лингвистической природы формул речевого этикета, анализу истории их изучения в таджикском, русском и европейском языкознании, характеристике их функций и факторов формирования. В главе также рассматривается место этикетных формул в коммуникативной системе языка и устанавливаются исторические источники формирования таджикского речевого этикета.

В разделе 1.1 «Характеристика формул речевого этикета» уточняется содержание понятия речевого этикета. Под ним понимается система установленных обществом норм и устойчивых способов речевого поведения, регулирующих отношения между участниками общения. Выбор этикетной формы зависит от коммуникативной ситуации, возраста, социального положения, степени близости собеседников, характера их взаимоотношений и принятой в обществе культурной нормы [25; 34–38].

Речевой этикет не ограничивается внешним соблюдением правил вежливости. Он непосредственно связан с языком, поскольку реализуется посредством слов, словосочетаний, предложений, обращений, местоименных и глагольных форм. Через эти средства говорящий устанавливает контакт, выражает уважение, благодарность, просьбу, извинение, поздравление, сочувствие, одобрение или завершает общение. Формулы речевого этикета выступают тем языковым механизмом, посредством которого общепринятые нормы поведения получают конкретное словесное выражение.

Формула речевого этикета характеризуется устойчивостью и воспроизводимостью. Она закреплена за определённым типом коммуникативной ситуации и воспринимается собеседниками как знакомая речевая модель. Приветствие предполагает ответное приветствие, просьба – согласие, отказ или уточнение, благодарность – принятие благодарности, извинение – реакцию адресата на попытку восстановить нарушенное равновесие общения. Эта предсказуемость обеспечивает нормативность и последовательность речевого взаимодействия [34; 36; 38].

Устойчивость формулы не означает её полной неизменности. В конкретной речи она может расширяться обращением, пояснением,

эмоциональной частицей, повтором или благопожеланием. Одно и то же приветствие приобретает различную социальную и эмоциональную окраску в зависимости от того, кому оно адресовано, какой формой обращения сопровождается и в какой интонации произносится. В художественном тексте этикетная формула нередко подвергается индивидуально-авторской обработке, сохраняя при этом основную коммуникативную функцию.

Формулы речевого этикета занимают промежуточное положение между языковой системой и речевой деятельностью. Их лексико-грамматическая форма принадлежит языку, однако выбор конкретной единицы, её интонационное оформление и коммуникативный результат определяются условиями речи. Поэтому при их изучении необходимо учитывать не только значение и структуру выражения, но и тип речевого действия, отношения между собеседниками, социальную среду и культурную норму [11; 29; 36].

Важной частью этикетной коммуникации являются невербальные средства: жест, мимика, взгляд, положение тела, дистанция между участниками общения, характер движения и интонация. Они могут усиливать словесную формулу, уточнять её значение или, напротив, вступать с ней в противоречие. Уважительное обращение, произнесённое резким тоном, способно утратить этикетную функцию, тогда как краткая реплика, сопровождаемая соответствующим жестом, полностью выражает почтительное отношение [8; 26; 40].

В таджикской культуре словесные и невербальные средства часто образуют единый коммуникативный комплекс. Приветствие может сопровождаться положением руки у груди, обращение к старшему – сдержанной позой, приглашение – указанием на почётное место. Вставание перед старшим, внимательное выслушивание собеседника, умеренная громкость речи и соблюдение дистанции также входят в систему этикетного поведения. Словесная формула остаётся основным объектом лингвистического анализа, однако её прагматическое значение определяется с учётом всей ситуации общения [8; 26; 40].

Таким образом, формула речевого этикета представляет собой воспроизводимую языковую единицу, закреплённую за типичной коммуникативной ситуацией. Её содержание формируется во взаимодействии языковой структуры, речевой функции, социального контекста и национально-культурной нормы.

В разделе 1.2 «Изучение формул речевого этикета в таджикском языкознании» рассматриваются научные и культурные основания изучения таджикского речевого поведения. Вопросы уместности слова, правил ведения беседы, уважительного обращения и нравственной ответственности говорящего имеют в таджикско-персидской традиции глубокие исторические корни. Они отражены в философских, этических, риторических и художественных произведениях разных эпох.

В классической традиции культура речи понималась как существенная сторона нравственного облика человека. Умение говорить правдиво,

сдержанно и сообразно обстоятельствам связывалось с достоинством личности. Столь же важным считалось умение слушать: не перебивать собеседника, давать ему возможность завершить мысль, понимать содержание его речи и отвечать без грубости и поспешности.

Подобные представления обнаруживаются в трудах Рузбеха, известного как Ибн Мукаффа, Ибн Мискавейха, Абули ибни Сино, Унсурулмаоли Кайковуса и других мыслителей. В их произведениях речь рассматривается не только как средство передачи информации, но и как показатель воспитанности, разумности и нравственной ответственности. Правдивость, умеренность, содержательность и своевременность слова признаются условиями достойного общения [33].

Особое место занимает «Кобуснома» Унсурулмаоли Кайковуса. В этом произведении представлены практические наставления о выборе слова, манере речи, отношении к собеседнику и последствиях сказанного. В главе «О добре и зле в речи» Кайковус связывает красноречие с правдивостью и предостерегает от слов, способных причинить вред человеку или нарушить общественное согласие. Обращение «О, мой сын!» придаёт наставлению адресный характер и одновременно создаёт уважительную форму дидактического диалога [33, с. 154].

Кайковус различает речь, которую необходимо знать и произносить, речь, которую следует знать, но не следует произносить, а также слова, не приносящие пользы ни говорящему, ни слушателю. Такое разграничение показывает, что уже в классической традиции речевое поведение оценивалось по нескольким основаниям: содержанию высказывания, его уместности, адресату и возможным последствиям. Тем самым этикет связывался не только с внешней формой, но и с нравственной ответственностью за речевой поступок [33, с. 154–158].

В «Гулистоне» Саади нормы общения раскрываются через притчи, афоризмы, наставления и художественные ситуации. В центре внимания находятся достоинство человека, умеренность слова, уважение к собеседнику, умение своевременно говорить и молчать. Слово в подобных произведениях осмысливается как поступок, способный примирить, поддержать, унижить либо разрушить доверие.

Классические источники позволяют установить исторические предпосылки формирования формул обращения, приветствия, просьбы, наставления, благопожелания, извинения и примирения. Эти речевые действия ещё не описывались в современной терминологии, однако их коммуникативное назначение и этическое содержание уже получали осмысление.

В таджикском языкознании XX–XXI веков вопросы речевого этикета рассматривались преимущественно в связи с культурой речи, риторикой, стилистикой, функциональными разновидностями языка и средствами выражения уважения. Значительное место в этой области занимают труды Б. Камолиддинова. Исследователь связывает культуру общения с нормами литературного языка, точностью словоупотребления, правильностью

произношения, ясностью, логичностью и стилистической уместностью речи [20, с. 27–28].

Положения Б. Камолиддинова важны для понимания того, что этикетная формула должна быть не только вежливой по содержанию, но и нормативной по языковой форме. Неточное употребление слова, нарушение грамматической связи, неуместная интонация или смещение стилевых средств способны затруднить понимание и нарушить уважительный характер общения. Культура речевого этикета поэтому предполагает владение произносительными, лексическими, грамматическими и стилистическими нормами литературного языка.

Коммуникативно-прагматический аспект устойчивых форм общения получил развитие в исследованиях М. Р. Джураевой. В её работах рассматриваются способы выражения уважительности и вежливости в таджикском литературном языке, функционирование устойчивых формул в средствах массовой информации, их связь с адресатом, целью высказывания и ситуацией общения. Эти исследования способствовали включению проблематики речевого этикета в круг вопросов современной таджикской коммуникативной лингвистики [15; 16].

Отдельные стороны этикета общения освещаются в работах Ё. К. Одинаева. Автор рассматривает нормы поведения в историческом и межкультурном аспектах, показывая зависимость форм общения от общественного устройства, культурной среды и эпохи. Его наблюдения важны для понимания изменчивости этикетных норм, хотя основное внимание уделяется этическим и поведенческим, а не собственно лингвистическим вопросам [32].

Сопоставительное изучение таджикских и английских формул общения представлено в трудах Т. Х. Мухиддиновой. Сравнение языков подтверждает, что буквальное соответствие слов ещё не означает совпадения их этикетных функций. Обращения бародар «брат», хоҳар «сестра», хонум «госпожа» и другие единицы имеют собственные условия употребления, зависящие от возраста адресата, степени официальности, социальной дистанции и национальной речевой нормы. Поэтому перевод и сопоставление этикетных формул требуют учёта реальной коммуникативной практики [31].

Анализ таджикской научной традиции показывает, что различные стороны речевого этикета уже получили определённое освещение. Вместе с тем эти исследования не дают полного описания формул современного таджикского литературного языка как единой системы. Недостаточно изученными остаются их жанровая организация, структурные типы, семантико-стилистические свойства и развитие в художественной прозе XX–XXI веков.

В разделе 1.3 «Изучение формул речевого этикета в русском и европейском языкознании» обобщаются основные направления, сформировавшиеся в отечественной и зарубежной лингвистике. Специальное изучение речевого этикета в советском языкознании связано прежде всего с

трудами В. Г. Костомарова. Начиная с 1960-х годов термин «речевой этикет» закрепляется в научном употреблении и обозначает систему языковых средств, регулирующих установление, поддержание и завершение контакта [25, с. 56–62].

Значительный вклад в разработку теории речевого этикета внесла Н. И. Формановская. В её трудах этикетные выражения рассматриваются как особая микросистема языковых единиц, связанная с типовыми ситуациями общения. Исследователь показывает, что формулы приветствия, обращения, благодарности, извинения, просьбы и прощания обладают устойчивой структурой, однако их выбор определяется социальными характеристиками собеседников, характером отношений и условиями коммуникации [34; 35; 36; 37; 38].

В работах А. А. Акишиной и Л. А. Введенской речевой этикет анализируется в связи с культурой речи, правилами вежливого поведения и практикой обучения языку. Особое внимание уделяется тому, как говорящий выбирает форму обращения, устанавливает контакт, поддерживает доброжелательную тональность и завершает разговор. Эти исследования подтвердили прикладное значение этикетных формул для преподавания языка и формирования коммуникативной компетенции [2; 9].

В. Е. Гольдин связывает речевой этикет с социальной организацией общения. Формула определяется не только языковой нормой, но и распределением ролей между участниками коммуникации. Возраст, статус, степень знакомства, официальность ситуации и цель разговора задают условия, в которых одна форма признаётся уместной, а другая может восприниматься как фамильярная, холодная или грубая [12].

Теория речевых жанров, восходящая к трудам М. М. Бахтина и получившая дальнейшее развитие в исследованиях В. В. Дементьева и других лингвистов, позволила рассматривать обращение, приветствие, благодарность, просьбу, извинение и прощание как самостоятельные типы речевых действий. Каждый жанр обладает собственной коммуникативной целью, типичным местом в диалоге, определённым составом участников и характерным языковым оформлением [3; 13; 14; 24].

Обращение выделяет адресата и устанавливает характер отношений между участниками. Приветствие открывает контакт и обозначает готовность к общению. Просьба побуждает собеседника к действию, но предполагает выбор формы, смягчающей волеизъявление. Благодарность выражает положительную оценку действия адресата. Извинение направлено на устранение или смягчение последствий нарушения коммуникативной нормы. Прощание оформляет завершение взаимодействия и сохраняет возможность дальнейшего контакта [3; 13; 14; 18].

В трудах А. Вежбицкой, В. И. Карасика, И. А. Стернина и других исследователей речевой этикет рассматривается в связи с национальным коммуникативным поведением, языковой картиной мира и культурными ценностями. Универсальные речевые действия реализуются в разных языках неодинаково. Различаются степень прямоты просьбы, допустимая дистанция,

частотность благопожеланий, употребление родственных наименований, формы приветствия и способы выражения несогласия [10; 21–23; 27; 28].

Отсюда следует, что универсальная классификация этикетных жанров не может механически применяться к любому языку. Для таджикского общения особое значение имеют родственные обращения, статусные и почтительные наименования, формулы гостеприимства, религиозно окрашенные благопожелания, косвенные способы выражения просьбы и стремление смягчить категоричность высказывания.

Опыт русского и европейского языкознания создаёт теоретическую основу для анализа таджикского материала. Вместе с тем описание формул таджикского речевого этикета требует учёта собственной исторической традиции, социальной организации общения, национально-культурной семантики и особенностей художественной речи XX–XXI веков.

В разделе 1.4 «Функции формул речевого этикета» определяется коммуникативное назначение устойчивых этикетных единиц. Их функции связаны с общими функциями языка, но имеют более узкую направленность, поскольку реализуются в типичных ситуациях социального взаимодействия [36; 38].

Основной является контактоустанавливающая функция. Формулы обращения, приветствия и знакомства открывают общение, обозначают адресата и задают тон дальнейшего разговора. Приветствия салом и ассалому алайкум обычно не передают новой предметной информации, однако подтверждают признание собеседника и готовность вступить с ним в контакт. Отсутствие ожидаемого приветствия может восприниматься как нарушение нормы или проявление недоброжелательности [25; 34; 36].

С контактоустанавливающей функцией тесно связана функция поддержания общения. Краткие вопросы о здоровье, семье и делах, формулы согласия, внимания и ответной реакции обеспечивают непрерывность диалога. Их назначение состоит не столько в передаче новой информации, сколько в подтверждении социальной связи и заинтересованности в собеседнике.

Регулятивная функция заключается в согласовании действий и речевого поведения участников. Просьба побуждает адресата совершить определённое действие, приглашение регулирует его участие в событии, извинение направлено на устранение напряжения, благодарность подтверждает положительно оцениваемую взаимность, а утешение поддерживает человека в трудной ситуации.

Апеллятивная функция проявляется в направленности формулы на адресата. Обращение называет или характеризует собеседника, привлекает его внимание и одновременно определяет характер отношений. Выбор слов устод, муаллим, бародар, хоҳар, раис и других наименований показывает, как говорящий оценивает статус адресата и какую дистанцию устанавливает между собой и собеседником [12; 21; 22].

Эмоционально-модальная функция связана с выражением чувства и отношения. Этикетная формула может передавать радость встречи, тревогу,

сочувствие, одобрение, уважение, ласку или сожаление. Эмоциональная окраска создаётся выбором слова, интонацией, повтором, междометием, уменьшительно-ласкательной формой или дополнительным благопожеланием.

Этическая функция обеспечивает соответствие речевого поведения представлениям о допустимом и должном. Формула показывает, что говорящий признаёт достоинство адресата, учитывает его возраст, статус и эмоциональное состояние. Нарушение этикетной нормы проявляется не только в грубом слове, но и в неуместной фамильярности, чрезмерной категоричности, холодности или несоответствии формы ситуации общения [12; 21–23; 27; 28].

Культурная функция состоит в сохранении и передаче традиционных способов общения. Через устойчивые обращения, приветствия, благопожелания и формулы гостеприимства воспроизводятся представления народа об уважении, возрасте, родственных связях, роли гостя, старшего, наставника и других участников социальной жизни.

Эстетическая функция проявляется в выборе выразительной, образной и соразмерной формы. В таджикской речевой культуре благопожелания, ласковые обращения и формулы сочувствия нередко отличаются образностью и эмоциональной насыщенностью. Однако выразительность сохраняет этикетное значение лишь при условии уместности и соответствия характеру отношений.

Указанные функции редко реализуются изолированно. Формула саломат бошед способна одновременно выражать благопожелание, завершать разговор и сохранять уважительную дистанцию. Обращение устод называет адресата, признаёт его авторитет и подготавливает последующую просьбу или вопрос. Полифункциональность формул подтверждает необходимость их контекстуального анализа.

Раздел 1.5 «Факторы формирования формул речевого этикета» посвящён условиям, определяющим состав, форму и употребление этикетных единиц. К ним относятся социальное положение, возраст, пол, семейная роль, профессия, степень близости, официальность ситуации, национальная и религиозная среда, индивидуальные свойства говорящего и общая культура общения.

Возраст является одним из наиболее устойчивых регуляторов таджикского речевого поведения. Обращение к старшему предполагает подчеркнутую почтительность, употребление формы Шумо, родственного или статусного наименования, более сдержанную интонацию. В семейной среде возрастная иерархия сочетается с близостью. Ласковое обращение укоҷонакам выражает заботу старшего о младшем и не связано с официальной дистанцией.

Социальное положение определяет выбор титула, должностного наименования, местоименной и глагольной формы. Слова раис, устод, муаллим, табиб, домулло и другие единицы указывают на общественную или профессиональную роль адресата. Их стилистическая окраска зависит от

контекста: одно и то же слово может выражать уважение, нейтральное обозначение должности, иронию либо недовольство [12; 21; 22].

Профессия влияет на содержание обращения и характер речевой дистанции. Формы устод и муаллим признают образовательный и нравственный авторитет адресата; табиб указывает на профессиональную роль врача; домулло связано с религиозной и образовательной средой. В официальной ситуации профессиональное наименование обычно требует более нормативного и сдержанного построения речи.

Гендерный фактор проявляется в выборе обращений, манере разговора и невербальном поведении. Его действие определяется культурной средой и степенью знакомства участников. Формы обращения к мужчине и женщине не всегда допускают прямое сопоставление с единицами других языков. Их употребление зависит от возраста, семейного положения, официальности ситуации и принятых норм взаимодействия [26].

Существенную роль играет характер отношений между участниками. В дружеском и семейном общении употребляются ласковые, сокращённые и эмоционально насыщенные формы. Официальная коммуникация требует нейтральных обращений, нормативных грамматических конструкций и более строгой речевой дистанции. Переход от официальной формы к фамильярной без соответствующего изменения отношений может восприниматься как нарушение этикета [12; 21; 27; 28].

На выбор формулы влияют и индивидуальные качества говорящего. Сдержанный человек предпочитает нейтральные и косвенные формы; эмоциональный усиливает реплику повтором, частицей, междометием или образным выражением. Однако индивидуальная манера не отменяет общественной нормы: выразительность допустима до тех пор, пока она не унижает адресата и не нарушает коммуникативную соразмерность.

Интегрирующим фактором выступает вежливость. Она не сводится к наличию отдельных «вежливых слов», а проявляется в соответствии формы, тона и ситуации. Грамматически правильное выражение может оказаться коммуникативно неудачным, если оно звучит чрезмерно категорично, не учитывает статус собеседника или нарушает принятую дистанцию [27; 28; 34–38].

В разделе 1.6 «Формулы речевого этикета как единицы коммуникативной системы языка» раскрывается их связь с лексикой, грамматикой и стилистикой таджикского литературного языка. Этикетные значения выражаются не только специальными словами, но и местоимениями, глагольными формами, обращениями, титулами, родственными наименованиями и синтаксической организацией высказывания.

Категория уважения последовательно проявляется в противопоставлении местоимений *ту* «ты» и *Шумо* «Вы». Их выбор зависит от возраста, степени близости, социальной дистанции и ситуации. Форма *Шумо* обычно выражает почтительность или официальность. Переход на *ту* может обозначать сближение, но в конфликтной ситуации способен

выражать пренебрежение или намеренное понижение статуса адресата [6; 7; 15].

Этикетную функцию выполняют существительные *хочӣ*, *хазрат*, *раис*, *устод*, *муаллим*, *бузургвор* и другие наименования. Их семантика меняется под воздействием исторических и социальных условий. Одни сохраняют устойчивое почтительное значение, другие допускают ироническое употребление, третьи возвращаются из пассивного слоя языка или получают новую сферу распространения.

В официальной речи особенно важна согласованность этикетной направленности и грамматической нормы. Стремление усилить вежливость иногда приводит к синтаксически перегруженным конструкциям. Формула *Аз Шумо бо камоли эҳтиром хоҳиш менамоям, ки ... иҷозат диҳед* «С большим уважением прошу Вас разрешить...» сохраняет уважительный тон и грамматическую точность. Употребление формы *иҷозат медодед* «не могли бы вы разрешить ...» в подобном контексте создаёт ненужное несоответствие между значением просьбы и формой сказуемого.

Этот пример показывает, что вежливость и языковая правильность не должны противопоставляться. Этикетная формула достигает цели тогда, когда она одновременно понятна, грамматически нормативна, стилистически уместна и соответствует положению адресата.

Формулы речевого этикета поэтому нельзя сводить к отдельному набору слов. Они образуются во взаимодействии лексических единиц, грамматических категорий, синтаксических моделей, интонации и культурной нормы. Их развитие отражает процессы, происходящие в литературном языке, официальной речи, разговорной среде и художественной коммуникации.

В разделе 1.7 «Исторические источники формирования таджикских формул речевого этикета» рассматриваются древнеиранская культурная традиция, зороастрийские представления, исламские нормы общения, Коран, хадисы и классическое персидско-таджикское письменное наследие [1; 33; 39].

Одним из ранних источников представлений о нравственной речи является «Авеста». Связь доброй мысли, доброго слова и доброго дела выражает принцип единства внутреннего намерения, речи и поступка. Хорошая речь рассматривается не как внешнее украшение поведения, а как проявление нравственного состояния человека [1]. Этот принцип впоследствии получил продолжение в таджикско-персидской культуре слова.

После распространения ислама нормы общения приобрели новое религиозно-нравственное содержание. Коран и пророческие хадисы закрепили высокий статус правдивой, спокойной и уважительной речи. Особое значение имеют наставления отвечать достойным словом даже на грубость, избегать лжи, злословия, унижения и необоснованной клятвы [39].

С исламской традицией связано значительное число формул приветствия, благопожелания, благодарности, соболезнования, извинения и наставления. Со временем многие из них вошли в повседневное общение,

подверглись фонетической и семантической адаптации и стали частью таджикского литературного языка.

Третьим важным источником выступает классическая персидско-таджикская литература. В «Шахнаме» Фирдавси слово связано с честью, мудростью, властью, верностью и ответственностью перед обществом. В «Кобуснома» рассматриваются правдивость, уместность и последствия речи. В «Гулистане» Саади раскрываются нормы общения через притчу, афоризм, наставление и художественный пример [33, с. 154–158].

Классическая письменная традиция сыграла существенную роль в закреплении моделей обращения, наставления, извинения, благопожелания и примирения. В дальнейшем часть этих моделей вошла в живую речевую практику и претерпела структурные, семантические и стилистические изменения.

Историческая преемственность проявляется не в буквальном сохранении всех выражений. Её основу составляет устойчивость этико-коммуникативных установок: уважение к собеседнику, сдержанность, доброжелательность, правдивость, уместность слова и осознание ответственности за сказанное. Именно эти установки объединяют древние источники, классическую литературу и современные формы таджикского речевого этикета.

Проведённый в первой главе анализ обосновывает комплексный подход к формулам речевого этикета. Они представляют собой устойчивые языковые единицы, формы реализации речевых жанров, средства выражения коммуникативных намерений, механизмы регулирования социальных отношений и носители национально-культурной семантики.

Их изучение требует одновременного учёта структуры, значения, функции, социального контекста и историко-культурного основания. Такой подход позволяет раскрыть место формул речевого этикета в современном таджикском литературном языке и создаёт теоретическую основу для последующего анализа их жанровой системы, семантико-стилистических свойств и структурной организации.

Вторая глава **«Жанровая система и тенденции развития формул таджикского речевого этикета»** посвящена историческим изменениям этикетных формул, их распределению по речевым жанрам и взаимодействию словесных и невербальных средств общения. Материалом служит таджикская художественная проза XX–XXI веков, в которой этикетные единицы представлены в конкретных диалогах и соотнесены с возрастом, общественным положением, характером отношений и эмоциональным состоянием персонажей. Такое рассмотрение позволяет установить не только состав формул, но и их место в структуре общения, стилистическую окраску и зависимость от культурно-исторической среды.

В разделе 2.1 «Эволюция формул таджикского речевого этикета» развитие исследуемой системы характеризуется как длительный и неравномерный процесс. Устойчивость этикетной формулы не означает её полной неподвижности. Одни единицы сохраняют основное значение на

протяжении нескольких исторических периодов, другие сужают или расширяют сферу употребления, третьи переходят в пассивный запас либо возвращаются в активную речь при изменении общественных условий. Поэтому эволюция формул устанавливается по совокупности признаков: частотности, лексическому составу, социальной закреплённости, жанровой функции и стилистической тональности.

Художественный диалог выступает наиболее показательным источником для подобного анализа. В нём этикетная формула включена в последовательность реплик и получает значение во взаимодействии с ответом собеседника, авторским комментарием, интонацией и поведением персонажа. Формулы *Саломат бои, чӯра!* «Будь здоров, дружище!», *Эй напурс!* «Эх, не спрашивай!», *Ҳеҷ гап не, натарсед!* «Ничего, не бойтесь!» одновременно поддерживают контакт, передают степень близости и выражают эмоциональное отношение участников разговора [II. 31, 322–324]. Тем самым художественный текст сохраняет не изолированный языковой знак, а целостную коммуникативную ситуацию.

Изменение этикетной системы особенно заметно при сопоставлении дореволюционного периода, советской эпохи и времени государственной независимости. В начале XX века речевое поведение ещё во многом определялось религиозной и сословной иерархией. В советский период расширился круг административных, профессиональных и общественно-политических обращений, а часть прежних титулов и почтительных наименований утратила продуктивность. В годы независимости наблюдается новое соотношение традиционных, религиозно окрашенных и нейтрально-официальных форм. Речь идёт не о простом вытеснении одного слоя другим, а о перераспределении функций между единицами разных исторических эпох.

По происхождению и лексическому составу в диссертации выделены четыре основные группы этикетных формул: единицы, построенные преимущественно на исконной таджикской лексике; сочетания таджикских и арабских компонентов; формулы, состоящие главным образом из арабских заимствований; конструкции, включающие русские и европейские элементы. Такое деление раскрывает многослойность таджикской этикетной лексики и показывает, что заимствованные компоненты закреплялись в ней постепенно, проходя фонетическую, грамматическую и семантическую адаптацию.

Формулы, основанные на исконной таджикской лексике, сохраняют непосредственную связь с народно-разговорной речью. К ним относятся *хуб* «хорошо», *хуш* «приятно», *бародар* «брат», *нағз кардед* «правильно сделали», *хуш омадед* «добро пожаловать» и другие единицы, обслуживающие приветствие, одобрение, поддержку, согласие и доброжелательное обращение. Их устойчивость сочетается с широкой сочетаемостью: формула может дополняться обращением, усилительной частицей, пояснением или благопожеланием. Благодаря этому она сохраняет узнаваемое значение, но приспосабливается к конкретной речевой ситуации.

Вторая группа образуется взаимодействием исконных и арабских элементов. Формулы *саломат бошед* «будьте здоровы», *хотирчамъ бошед* «будьте спокойны», *барака ёбед* «да будет вам благословение», *инсоф кунед* «будьте справедливы», *мархамат, хуш омадед* «пожалуйста, добро пожаловать» давно воспринимаются как органическая часть таджикской речи. Разное происхождение компонентов не препятствует их смысловой целостности. Напротив, подобные сочетания расширяют возможности выражения уважения, приглашения, успокоения, нравственного побуждения и пожелания добра.

Формулы преимущественно арабского происхождения особенно характерны для дореволюционной и ранней советской прозы. Обращения *тақсир, ҷаноб, эшон, домулло*, ответная формула *лаббай*, похвальное выражение *боракаллоҳ* и молитвенные пожелания передают религиозную, судебную и сословную организацию прежнего общества. В реплике *Боракаллоҳ!.. Одами гурдадор будай!* «Боракаллоҳ!.. Смелым человеком ты оказался!» формула соединяет похвалу с доброжелательной оценкой поступка [II. 25, 145]. В последующие десятилетия часть таких единиц сохранилась в бытовой и религиозной речи, часть стала средством исторической стилизации, а отдельные формулы продолжили активное функционирование без выраженной архаической окраски.

Русские и европейские элементы заметнее входят в этикетную систему в советский период. В художественных диалогах появляются *рафиқ, товариш, молодес*, имена и наименования новых должностей, профессий и общественных ролей. Показательно сочетание традиционной модели с новым социальным окружением: *Саломат бош, бародар Иван!* «Будь здоров, брат Иван!» [II. 3, 116]. Таджикская формула благопожелания и родственное обращение здесь используются по отношению к русскому персонажу, что отражает приспособление прежних моделей общения к изменившейся языковой и социальной среде.

Период независимости характеризуется оживлением национальных и религиозно-нравственных формул, однако их возвращение сопровождается смысловым и стилистическим обновлением. В текстах встречаются расширенные сочетания, в которых привычная формула соединяется с новым компонентом, например *Худо ҳофиз ва раҳмату баракотуху* [II. 14, 433]. Одновременно развиваются краткие официально-деловые конструкции, рассчитанные на точную передачу просьбы, поздравления или извинения. Современный речевой этикет тем самым сочетает историческую память с потребностями административного, профессионального и повседневного общения.

В результате эволюция таджикских этикетных формул предстает как взаимодействие преемственности и обновления. Изменяются социальные титулы, степень религиозной маркированности, формы официальной вежливости и способы выражения близости, но сохраняется основа этикетного поведения: уважение к адресату, учёт возраста и статуса,

доброжелательность, речевая сдержанность и соответствие формулы обстоятельствам разговора.

В разделе 2.2 «Жанровая классификация формул таджикского речевого этикета» разграничиваются понятия речевого жанра и этикетной формулы. Жанр определяется основной коммуникативной задачей и типичным местом высказывания в общении, тогда как формула представляет собой языковое средство реализации этой задачи. Внутри одного жанра могут употребляться простые и сложные конструкции, нейтральные и эмоционально окрашенные единицы, разговорные, официальные и ритуальные формы. При классификации учитываются ведущая функция реплики, её положение в диалоге, состав участников и характер ответной реакции.

Теория речевых жанров М. М. Бахтина используется как основание для понимания связи между историей общества и историей языка. Этикетные жанры складываются в повторяющихся ситуациях и усваиваются человеком в процессе общения. Первоначально ребёнок овладевает приветствием, обращением, благодарностью и простой просьбой; позднее его коммуникативный репертуар пополняется извинением, утешением, косвенной оценкой, официальным обращением и другими более сложными действиями. Следовательно, жанровая система зависит не только от языка как такового, но и от возраста, воспитания, социальной среды и жизненного опыта говорящего.

Границы между жанрами подвижны. Обращение может предварять просьбу, поздравление – включать похвалу и благопожелание, извинение – сопровождаться объяснением и обещанием исправить ошибку, утешение – соединяться с советом, молитвенной формулой и выражением сочувствия. Поэтому жанровая принадлежность определяется не отдельным словом, а ведущим намерением говорящего и общим содержанием эпизода. Такой подход позволяет избежать механического распределения многозначных формул по изолированным группам.

В подразделе 2.2.1 «Формулы обращения, приветствия и речевого контакта» обращение рассматривается как средство выделения адресата и обозначения отношений между участниками общения. Оно может выражать почтение, близость, подчинённость, официальную дистанцию, просьбу, укор или иронию. В прозе начала XX века широко представлены обращения *домулло*, *тақсир*, *чаноб*, *ноиб*, *шариатпаноҳ*, *эшон*, *қозикалон*. Эти единицы не только называют лицо, но и указывают на его место в религиозной, судебной или административной иерархии.

Почтительное обращение нередко строится как сочетание нескольких статусных компонентов. Формулы типа *чаноби ноиб*, *чаноби шариатпаноҳ*, *эшони қозикалон* подчёркивают зависимое положение говорящего и официальность ситуации. Повтор обращения *тақсир* в ответах участника судебного разбирательства поддерживает принятую иерархию даже тогда, когда сама реплика содержит лишь подтверждение факта. В таких контекстах этикетная функция обращения выходит за пределы называния адресата и становится средством социального регулирования диалога.

В советской и современной прозе активизируются обращения, связанные с профессией, должностью и общественной ролью: *раис* «председатель, руководитель», *муаллим* «учитель», *устод* «наставник», *усто* «мастер», *рафиқ* «товарищ». Их значение определяется контекстом. Слово *раис* может выражать уважение к должности, но в конфликтной ситуации приобретает оттенок недовольства или иронии. Следовательно, этикетная семантика не совпадает полностью со словарным значением: её формируют интонация, содержание реплики и отношения между персонажами.

Особое место занимают родственные и возрастные наименования, употребляемые за пределами прямого родства: *ако*, *ана*, *амак*, *хола*, *бобо*, *биби*, *додар*, *духтарам*, *писарам*. Они позволяют обратиться к незнакомому или малознакомому человеку без излишней официальности и одновременно сохранить уважительную дистанцию. Уменьшительно-ласкательные компоненты *-ҷон*, *-ҷонам* усиливают доброжелательность и эмоциональную близость. В сочетании с местоимением *Шумо*, просьбой либо благопожеланием такие обращения образуют сложный этикетный комплекс.

Приветствие открывает речевой контакт и задаёт его нравственную тональность. В таджикской прозе функционируют *салом*, *ассалому алайкум*, *ваалайкум ассалом*, *салому алейк*, а в современной культурной практике вновь активизируется *дуруд*. Ответ на приветствие обязателен не только как речевая реакция, но и как подтверждение признания собеседника. В диалоге *Ассалому алайкум! Шодиёнаро бароред, усто! – Ваалайкум ассалом...* приветствие сразу соединяется с обращением и сообщением радостной вести [II. 21, 30].

Формулы прощания оформляют завершение общения, но различаются по степени окончательности и эмоциональной окраске. *Хайр*, *то дидан*, *то нагоҳ* обозначают обычное окончание разговора и предполагают новый контакт. *Алвидо* и *видо* употребляются при длительной или трагической разлуке, тогда как *падруд* сохраняет высокий литературный оттенок. Слово *хайр* полифункционально: оно может завершить разговор, подвести итог сказанному, прекратить нежелательное обсуждение или обозначить переход к другой теме.

Новые технические условия общения привели к формированию телефонных контактных моделей. Телефонный разговор включает установление связи, узнавание собеседника, краткий вопрос о состоянии дел, основное сообщение и прощание. Формулы *алло*, *гап зан* «говори», *телефон кун* «позвони», *баъд занг мезанам* «позвоню позже» отличаются краткостью, но сохраняют зависимость от возраста, статуса и степени близости участников. Это подтверждает, что жанровая система приспособляется к новым средствам связи, не утрачивая норм уместности.

Подраздел 2.2.2 «Формулы комплимента, похвалы и ответной реакции» раскрывает способы выражения положительной оценки. Комплимент, похвала и лесть близки по форме, но различаются по основанию и цели. Комплимент направлен на создание доброжелательной атмосферы и признание достоинств адресата; похвала обычно опирается на конкретный

поступок, качество или результат труда; лесть отличается преувеличением и скрытым расчётом. Для таджикской речевой культуры существенна мера положительной оценки: чрезмерная любезность может восприниматься как неискренность.

Материал художественной прозы позволяет выделить общую похвалу личности, оценку внешности и отдельных её деталей, характеристику ума, воспитанности, смелости, мастерства, доброты и трудолюбия, а также похвалу имени, одежды, родного места и общественно значимого поступка. Нередко внешняя и внутренняя характеристики образуют единое целое. Красота персонажа описывается вместе с храбростью, ловкостью, воспитанностью или душевной открытостью. Подобное соединение показывает, что положительная оценка в таджикской традиции тяготеет к целостному нравственному образу человека.

Прямой комплимент внешности часто смягчается авторским описанием, внутренней речью персонажа или образным сравнением. В качестве объектов оценки выступают лицо, глаза, брови, волосы, фигура, походка, одежда и общий облик. Вместе с тем слова *хушрӯй* «красивый», *хушган* «приятный в разговоре», *хушодоб* «воспитанный», выражения *чехраи кушод* «открытое лицо», *чашмони барқинош* «сияющие глаза» соединяют внешнюю привлекательность с культурой поведения. Тем самым эстетическая оценка получает этическое содержание.

Особенно убедительна похвала, имеющая конкретное основание. Формула *Аҷаб писаратон ҳаст, усто! Худо ба умраиш барака диҳад* «Какой у вас замечательный сын, усто! Да благословит Бог его жизнь» дополняется указанием на быстро приобретённое мастерство и качество выполненной работы [II. 21, 29]. В этой реплике объединены обращение, общая положительная оценка, благопожелание и доказательство похвалы. Благодаря этому высказывание не воспринимается как пустая любезность.

Положительная оценка может выполнять и дополнительную прагматическую задачу. В одних эпизодах она предшествует просьбе и располагает адресата к говорящему, в других служит средством самоутверждения, иронии или скрытого давления. Художественный контекст позволяет отличить искреннюю похвалу от расчётливой. Внешне положительные слова способны получить отрицательный смысл, если ими оправдывается недостойный поступок либо намеренно преувеличиваются заслуги человека. Следовательно, этическая ценность комплимента определяется не только формой, но и мотивом говорящего.

Ответная реакция является обязательной частью жанра. Адресат может принять похвалу, поблагодарить, смутиться, промолчать, перевести разговор на другую тему или усомниться в искренности собеседника. В таджикской культуре прямое согласие с высокой оценкой самого себя нередко противоречит норме скромности, поэтому типичны сдержанная благодарность, смущение и косвенное принятие. Анализ ответной реакции позволяет установить реальный коммуникативный результат похвалы и степень её уместности.

В подразделе 2.2.3 «Формулы просьбы, поздравления, извинения и утешения» просьба определяется как побуждение адресата к действию при сохранении за ним возможности согласиться либо отказаться. Именно этим просьба отличается от приказа. Её этикетная организация направлена на смягчение воздействия и поддержание достоинства обоих участников разговора. В качестве вводных и сопровождающих средств употребляются *агар имкон бошад* «если возможно», *марҳамат* «пожалуйста», *лутфан* «будьте добры», *заҳмат нашавад* «если это не затруднит», *хоҳиш мекунам* «прошу», *илтимос мекунам* «умоляю».

Смысловым центром просьбы обычно выступает глагол побудительного значения: *кӯмак кунед* «помогите», *иҷозат диҳед* «разрешите», *марҳамат кунед* «будьте добры», *фаромӯш накунад* «не забудьте», *гӯш кунед* «послушайте». Степень категоричности регулируется формой лица, обращением, объяснением причины и дополнительными формулами вежливости. Просьба может сопровождаться благодарностью, благопожеланием, обещанием ответной услуги или признанием зависимости от адресата. В эмоционально напряжённых ситуациях употребляются выражения *ба хотири Худо* «ради Бога», *раҳм кунед* «смилюйтесь», *илтиҷо дорам* «умоляю».

Просьба нередко включается в более широкий речевой ход. Говорящий сначала устанавливает контакт, затем объясняет обстоятельства, формулирует желаемое действие и завершает реплику благодарностью либо обещанием. В официальной речи наблюдается тенденция к сокращению развёрнутых эмоциональных конструкций. Получают распространение формы *лутфан ба ҳисоб гиред* «пожалуйста, примите во внимание», *ба қайд гиред* «зарегистрируйте», *иҷозат диҳед* «разрешите». Они точнее соответствуют деловой ситуации, однако сохраняют основное требование – уважительное и грамматически ясное обращение к адресату.

Приказной тон не исключает этикетности, если он обусловлен профессиональной ролью и типом ситуации. В военной, служебной или чрезвычайной обстановке побуждение должно быть кратким и обязательным для исполнения. Вне таких условий чрезмерная категоричность нарушает границы просьбы и может восприниматься как грубость. Поэтому форма побуждения оценивается не сама по себе, а с учётом полномочий говорящего, характера действия и принятой нормы общения.

Жанр поздравления выражает радость по поводу события и одновременно подтверждает внимание к адресату. Его ядро составляют формулы *муборак бошад* «да будет благословенно, поздравляю», *табрики маро қабул кунед* «примите мои поздравления», *аз самими қалб* «от всей души», *сарбаланду муваффақ бошед* «будьте успешны», *дар паноҳи Худо бошед* «будьте под защитой Бога». Поздравление может быть краткой репликой, развёрнутой речью, письмом либо частью обряда; его объём и стилистика зависят от семейного, общественного или официального характера события.

В историческом развитии поздравительных формул различаются традиционный и советский слои. К первому относятся поздравления с Наврузом, религиозными праздниками, свадьбой, рождением ребёнка и другими семейно-обрядовыми событиями. Второй представлен формулами, связанными с новыми общественными датами, например поздравлением с Днём Победы или Первым мая. В современной речи оба слоя сосуществуют. В свадебном эпизоде повтор *Муборак бошад! Муборак бошад!* передаёт коллективную радость и оформляет участие окружающих в обрядовом событии [II. 24, 101].

Извинение выполняет восстановительную функцию. Оно употребляется после реального или предполагаемого нарушения нормы и направлено на снятие обиды, признание ответственности и возобновление доброжелательного контакта. Основными формулами выступают *мебахшед* «простите», *маъзарат меҳоҳам* «приношу извинения», *маъзур доред* «извините», *узри маро қабул кунед* «примите мои извинения», *айби ман* «моя вина», *гуноҳамро ба гардан мегирам* «признаю свою вину». Выбор зависит от степени вины, официальности ситуации и отношений между собеседниками.

Полное извинение обычно содержит несколько компонентов: название или признание проступка, указание на его непреднамеренность, объяснение обстоятельств, выражение сожаления и просьбу о прощении. Ответ адресата показывает, восстановлено ли коммуникативное равновесие. В диалоге *Мебахшед... – Ҳеҷ гап не, ҷойи айб нест* «Простите... – Ничего, не за что винить» формула принятия извинения снимает напряжение и завершает эпизод примирением [II. 36, 185]. В иных случаях извинение отвергается, прерывается или воспринимается как неискреннее оправдание.

Извинение тесно связано с невербальным поведением. Опущенный взгляд, наклон головы, положение руки у груди, покраснение лица, сдержанная поза или поклон усиливают значение слов и свидетельствуют о смущении либо раскаянии. Если жест противоречит реплике, адресат может усомниться в искренности говорящего. Поэтому извинение представляет собой не только устойчивую словесную формулу, но и комплексное действие, в котором речь согласуется с мимикой, позой и интонацией.

Формулы утешения служат поддержке человека в состоянии тревоги, горя, страха или жизненного испытания. В таджикской речевой культуре они связаны с представлениями о терпении, надежде, нравственной стойкости и временном характере трудностей. Частотны выражения *гам нахӯр* «не горюй», *хавотир нашав* «не беспокойся», *ором шав* «успокойся», *сабр кун* «потерпи», *оқибаташ ба хайр мешавад* «всё завершится благополучно», *Худо ба шумо сабр диҳад* «да даст вам Бог терпения».

Утешение редко ограничивается одной императивной формой. Оно может включать ласковое или родственное обращение, объяснение, обещание помощи, пословицу и религиозное благопожелание. В реплике *Ғам нахӯр, додар... иншоаллоҳ, ба зудӣ халос шуда мебарой* «Не горюй, брат... даст Бог, скоро освободишься» сочетаются сочувствие, обращение, надежда и молитвенная формула [II. 25, 292]. Даже когда говорящий не может

изменить обстоятельства, этикетная функция утешения состоит в признании переживания адресата и сохранении с ним человеческой связи.

Раздел 2.3 «Вербальные и невербальные средства таджикского речевого этикета» посвящён их взаимодействию в едином коммуникативном акте. Словесная формула передаёт основное содержание, тогда как интонация, жест, мимика, взгляд, положение тела и расстояние между собеседниками уточняют отношение говорящего и степень уместности реплики. Невербальный компонент способен дополнить слово, усилить его, заменить краткий ответ либо вступить с произнесённым в противоречие. В последнем случае именно поведение персонажа раскрывает подлинный смысл эпизода.

Коммуникативная дистанция зависит от возраста, пола, статуса и степени знакомства. При официальном или малознакомом общении сохраняется большее расстояние и более сдержанная жестикуляция; в семейной и дружеской среде допустимы близкая дистанция, прикосновение и эмоционально выразительная мимика. Нарушение привычной дистанции может восприниматься как фамильярность, давление или неуважение. Поэтому пространственное поведение является частью этикета наряду с выбором местоимения, обращения и интонации.

Среди невербальных средств особое значение имеют руки. Рукопожатие, открытая ладонь, положение руки у груди, приглашение жестом, сложенные перед собой руки и движение пальцев передают приветствие, уважение, просьбу, согласие или готовность подчиниться распоряжению. В традиционном контексте словесная формула нередко сопровождается поклоном либо сдержанным движением рук. Такое соединение создаёт единый этикетный комплекс, в котором жест подтверждает социальный смысл обращения.

Движение головы может заменять словесный ответ или уточнять его. Кивок выражает согласие, подтверждение, смирение, вынужденное подчинение; покачивание головы – отрицание, сомнение или сожаление. В эпизоде *Одина ҳам бо шиорати сарҷунбонӣ гайр аз «оре» гуфтан чораи дигар надошт* «Одине ничего не оставалось, кроме как кивком головы сказать “да”» жест передаёт не только согласие, но и отсутствие свободы выбора [II. 6, 28]. Значение движения устанавливается по ситуации, а не по его внешней форме.

Взгляд и мимика передают почтение, смущение, страх, недоверие, скрытую иронию и эмоциональное напряжение. Опущенный взгляд может означать уважение к старшему или признание вины, прямой продолжительный взгляд – настойчивость либо вызов. При этом одна и та же мимическая деталь неоднозначна: закушенная губа, поднятая бровь, частое моргание или отведение глаз получают смысл лишь в связи с репликой и общим состоянием персонажа. Художественная проза особенно ценна тем, что фиксирует эту связь слова и психологического жеста.

Улыбка и смех выполняют контактную, эмоциональную и оценочную функции. Искренняя улыбка поддерживает доброжелательность, смягчает

отказ и располагает собеседника; холодная или саркастическая улыбка выражает дистанцию и скрытое неодобрение. Смех может свидетельствовать о радости и близости, но в неподходящей ситуации воспринимается как нарушение нравственной нормы. Его уместность определяется местом, возрастом участников, состоянием адресата и общим эмоциональным фоном. Особенно строгие ограничения действуют в ситуациях траура, болезни и чужого несчастья.

Невербальное поведение в таджикской культуре подчинено требованиям сдержанности и уважительной меры. Чрезмерная жестикация, резкое указание пальцем, демонстративный поворот спиной, пристальный взгляд или насмешливая мимика способны разрушить доброжелательный тон даже при внешне вежливой словесной форме. Напротив, спокойная поза, умеренный кивок, внимательный взгляд, открытое выражение лица и вставание при появлении старшего поддерживают этикетный смысл реплики. Следовательно, коммуникативная корректность определяется согласованностью слова и поведения.

Материал второй главы позволяет сделать вывод, что жанровая система таджикского речевого этикета имеет открытую и исторически изменчивую организацию. Формулы обращения, приветствия, комплимента, похвалы, просьбы, поздравления, извинения, утешения и ответной реакции образуют взаимосвязанные группы, а их границы уточняются в конкретном речевом контексте. Каждый жанр располагает устойчивым набором средств, однако допускает вариативность состава, интонации и стилистической окраски.

Историческая динамика проявляется в изменении частотности и функций религиозных, сословных, профессиональных и официальных наименований. Дореволюционные формулы отражают традиционную иерархию; советский период вводит новые общественные обращения и заимствованные элементы; время независимости сочетает возвращение национально-культурной лексики с развитием кратких деловых моделей. При всех изменениях этикетная система сохраняет ориентацию на уважение, социальную соразмерность и предотвращение коммуникативного конфликта.

Словесные и невербальные средства функционируют как части одного действия. Формула задаёт жанровое содержание, а жест, мимика, взгляд, поза и дистанция определяют её эмоциональную тональность, искренность и социальную уместность. Поэтому жанровое описание таджикского речевого этикета требует учитывать не только лексику и грамматическую структуру выражения, но и поведение участников общения. Именно такое единство позволяет раскрыть национально-культурную специфику этикетной коммуникации в таджикской художественной прозе XX-XXI веков.

Третья глава **«Семантико-стилистические и структурные особенности формул таджикского речевого этикета»** посвящена смысловой организации этикетных единиц, их стилистической окраске, грамматическому строению и национально-культурному содержанию. Материал художественной прозы XX-XXI веков рассматривается с учётом

конкретной речевой ситуации, состава участников общения, их возраста, социального положения, степени близости и эмоционального состояния. Такой подход позволяет установить, каким образом устойчивое выражение получает в тексте дополнительный оценочный смысл и как его структура соотносится с коммуникативной функцией.

В разделе 3.1 «Смысловые и стилистические особенности формул таджикского речевого этикета» исходным является положение о единстве значения и употребления. Содержание этикетной формулы не исчерпывается словарным значением её компонентов. Оно складывается из прямого смысла, интонации, порядка слов, стилистической окраски, сопровождающего жеста и отношений между собеседниками. Одна и та же формула в разных обстоятельствах может выражать нейтральную вежливость, почтение, родственную теплоту, официальную дистанцию, сочувствие, иронию либо скрытое недовольство.

Таджикско-персидская традиция связывает культуру слова с его уместностью и нравственным воздействием. В трудах по риторике и поэтике точность речи определяется не только правильностью формы, но и соответствием высказывания ситуации и адресату. Для речевого этикета это положение имеет непосредственное значение: выразительность оправдана лишь тогда, когда она способствует взаимопониманию, не унижает собеседника и сохраняет необходимую меру. Поэтому художественные средства в этикетной коммуникации рассматриваются не как внешнее украшение, а как способы передачи оценки, чувства и социальной позиции говорящего.

Художественная проза особенно полно обнаруживает контекстуальную природу этикетного значения. Формула включается в диалог, соотносится с ответной репликой и авторским описанием поведения персонажа. Через обращение, благопожелание, извинение или эмоциональную оценку писатель характеризует воспитание героя, его принадлежность к определённой среде и отношение к адресату. Не всякая образная фраза при этом относится к речевому этикету: существенным является её участие в регулировании межличностного контакта.

Одним из наиболее продуктивных средств выступает метафора. В семейной и обрядовой речи она позволяет выразить нежность, почтение, скорбь и нравственную оценку через культурно понятный образ. В формуле *Гули сафеди сари сабадам будед, бобоҷонам!* «Вы были белым цветком моей корзины, мой дедушка!» образ белого цветка передаёт представление о старшем как о самом дорогом и чистом человеке семьи. Многократное обращение *бобоҷонам* и сочетания *суханҳои ширини шумо, насихатҳои қимати шумо* усиливают значение утраты и подчёркивают авторитет слова старшего [II. 27, 299].

Метафорический перенос может выразить и нравственную ответственность. Формула *ба гардан мегирам* «беру на себя», «признаю свою вину» в признании героя: *Бори дигар ба гардан мегирам, ки ман дар ҳаққи вай... номардӣ кардам* обозначает не физическое действие, а сознательное

принятие вины и готовность восстановить нарушенные отношения [II. 28, 137]. В другом контексте зооморфные наименования, напротив, становятся средством речевой агрессии и показывают разрушение уважительной модели общения. Тем самым один и тот же механизм переноса способен обслуживать как примирение, так и конфликт.

Гипербола используется для усиления похвалы, жалобы, тревоги или восхищения. В характеристике женщины выражение *ба гапи нагз дарандаву хазандаро ҳам ба роҳаш меандохт* «добрым словом могла усмирить даже хищников и пресмыкающихся» подчёркивает исключительную мягкость и силу её убеждения [II. 23, 81]. Реплика *тарбод... маро ҳазор бор мекушад* «ревматизм тысячу раз меня убивает» передаёт степень физического страдания и рассчитана на сочувствие собеседника [II. 21, 299]. Уместная гиперболизация сохраняет связь с разговорной нормой; чрезмерность, не поддержанная ситуацией, воспринимается как неестественная.

Ирония строится на расхождении между внешней формой и действительным смыслом. Её значение устанавливается по контексту, интонации и поведению участников разговора. Показательна реплика, начинающаяся оговоркой *гуфтан нагз не* «нехорошо так говорить», после которой следует пренебрежительная оценка пожилых людей [II. 35, 169]. Формально говорящая признаёт этикетный запрет, но тут же нарушает его. Подобные эпизоды показывают, что знание нормы не равнозначно её соблюдению. Ирония может смягчать порицание, однако при утрате меры переходит в насмешку и разрушает достоинство адресата.

С иронической организацией речи связан приём притворного незнания. Вопросы *Хӯш, хӯш, чӣ гап, чӣ ҳодиса?* «Ну, ну, что случилось?» произносятся персонажем, который осведомлён о происшедшем, но не раскрывает этого сразу [II. 31, 125]. Такая форма позволяет снизить прямоту разговора, предоставить собеседнику возможность самому изложить обстоятельства и сохранить внешнее спокойствие. В иной ситуации притворное незнание соединяется с шуткой и помогает перевести беседу в менее напряжённый регистр.

Литота выполняет противоположную гиперболе функцию: снижает категоричность оценки и поддерживает сдержанный тон. В самохарактеристике *Ман як бесавод, лекин кори дунёро медонам* «Я человек неграмотный, но жизнь знаю» внешнее умаление собственного статуса сочетается с утверждением жизненного опыта и нравственной самостоятельности [II. 24, 340]. Подобная форма самопредставления соответствует традиции, в которой достоинство выражается без открытой самопохвалы. Литота употребляется также при осторожном суждении о другом человеке и позволяет избежать резкого осуждения.

Значительную роль играет повтор. Он усиливает искренность приветствия, настойчивость приглашения, боль расставания или просьбу о прощении. В формуле *Биё, биё, хуш омадӣ, додар* «Подходи, подходи, добро пожаловать, брат» повтор глагола передаёт радость встречи, а последующая гипербола подчёркивает длительность ожидания [II. 18, 355]. В реплике

мебахшӣ, бачам, мебахшӣ «прости, сынок, прости» конечный повтор делает извинение мягче и эмоционально убедительнее [II. 19, 29]. Здесь структурная организация непосредственно служит восстановлению доброжелательного контакта.

Градация, инверсия и парцелляция передают нарастание эмоционального воздействия. В реплике *Айб аст, дадаш, истед! ... астағфируллоҳ гӯед, худатонро ба даст гиред* «Стыдно, отец, остановитесь!.. скажите “астағфируллах”, возьмите себя в руки» каждое последующее звено усиливает требование, но родственное обращение сохраняет уважительную основу высказывания [II. 17, 441]. Инверсия и повтор отрицательных форм могут, напротив, подчёркивать властный нажим и нарушение нормы. Парцелляция воспроизводит прерывистую, тревожную или взволнованную речь, при которой пауза становится самостоятельным носителем смысла.

Перифраза позволяет заменить прямое обозначение развёрнутой характеристикой и тем самым выразить отношение к человеку более мягко и содержательно. В эпизоде с обращением *Ҳамшаҳрӣ, ассалом!* «Земляк, здравствуй!» общность происхождения становится основанием доверительного контакта, а последующее описание имени и характера героя закрепляет положительную оценку [II. 36, 162]. В формулах памяти перифрастические образы передают любовь и почтение, не сводя характеристику близкого человека к прямому называнию отдельных качеств.

Семантико-стилистический анализ показывает, что образность этикетной речи подчинена требованиям точности и уместности. Метафора, гипербола, ирония, литота, повтор, градация, инверсия, парцелляция и перифраза становятся этикетно значимыми лишь в той мере, в какой они выражают отношения между участниками общения. В художественном диалоге эти средства обнаруживают как соблюдение, так и нарушение коммуникативной нормы: уважение и заботу, стремление к примирению, фамильярность, давление либо речевую агрессию.

В разделе 3.2 «Структурные особенности формул таджикского речевого этикета» устанавливается зависимость между грамматической формой и характером речевого действия. Этикетные единицы реализуются отдельными словами, сочетаниями слов, простыми и сложными предложениями, а в отдельных случаях - развёрнутыми диалогическими фрагментами. Краткая структура характерна для приветствия, благодарности, согласия и эмоциональной реакции; более развёрнутая требуется при просьбе, утешении, объяснении, наставлении и благопожелании.

В соответствии со степенью синтаксической развёрнутости выделяются простые и сложные формулы. Это разграничение не сводится к механическому подсчёту слов. Учитываются самостоятельность реплики, характер связи компонентов, наличие предикации и объём передаваемого содержания. Между двумя типами существует переходная зона: краткая формула может расширяться обращением, оценочным определением, повтором или благопожеланием, сохраняя при этом исходное коммуникативное ядро.

В подразделе 3.2.1 «Простые формулы речевого этикета» рассматриваются однословные единицы, имена, обращения, краткие словосочетания и устойчивые реплики, способные самостоятельно выполнять этикетную функцию. Их основными признаками являются структурная компактность, воспроизводимость и высокая частотность. Небольшой объём не означает смысловой ограниченности: одно обращение может одновременно указывать на возраст, положение, степень близости и зависимость говорящего от адресата.

Центральное место среди простых формул занимают обращения. В реплике *Тақсир, арз дорам* «Таксир, у меня есть просьба» начальное слово *тақсир* задаёт официальную дистанцию и зависимое положение просителя [II. 5, 291]. Родственная форма *писарам* «сын мой» в поручении старшего обозначает семейную иерархию и одновременно смягчает повелительный смысл последующей реплики [II. 3, 34]. Слова *ака, бобо, оча, хоҳар, писарам* употребляются не только в пределах реального родства, но и как средства уважительного или доверительного контакта.

К простым формулам относятся также модели именования. Традиционные сочетания имени с прозвищем, религиозным обозначением или характеристикой - *Раҳими Қанд, Қорӣ Исмат* - фиксируют место человека в социальной среде. В советской прозе рядом с ними появляются официальные формы имени, отчества и фамилии: *Владимир Николаевич, фамилиям Богомолов* [II. 36, 163]. Сопоставление этих моделей отражает историческое изменение норм самопредставления и официального общения.

Базовый слой образуют краткие приветствия и прощания. Формула *Салом, бобо!* сочетает нейтральное приветствие с почтительным обращением к старшему [II. 19, 20]. *Ассалому алайкум* сохраняет развернутую традиционную форму и открывает контакт в различных социальных ситуациях. Реплика *Хайр, ака* «До свидания, брат» завершает беседу, не разрывая доброжелательной связи между участниками [II. 25, 64]. Формы *дуруд* и *падруд* представляют исторический таджикско-персидский слой, активность которого менялась в разные периоды.

Однословные формулы извинения и благодарности также обладают завершённым коммуникативным значением. *Раҳмат* в реплике *Хоҳар, шӯрбои соз пухтай, раҳмат* выражает признательность и поддерживает тёплый тон общения [II. 25, 114]. Формула *маъзарат меҳоҳам* в предварительном извинении позволяет высказать предположение, не придавая ему безусловного и категоричного характера [II. 13, 231]. Подобные единицы регулируют отношения между собеседниками независимо от минимального языкового объёма.

Простая формула может усиливаться количественным или оценочным компонентом. Сочетания *ҳазор раҳмат* «большое спасибо», *сад офарин, ҳазор офарин* передают повышенную степень благодарности или похвалы. В реплике *Ҳазор раҳмат, оча. Дастӣ боғбонаш дарда набинад* благодарность расширяется обращением и благопожеланием [II. 18, 360]. Исходное ядро остаётся кратким, однако вся реплика приобретает свойства сложной

конструкции. Такие случаи подтверждают постепенный характер перехода между структурными типами.

В художественном тексте простые формулы выполняют характерологическую функцию. Выбор между статусным и родственным обращением, между нейтральным *салом* и развёрнутым *ассалому алайкум*, между кратким *рахмат* и усиленным благопожеланием раскрывает воспитание, социальную принадлежность и эмоциональное состояние персонажа. Структурная компактность делает эти единицы наиболее устойчивым и подвижным слоем речевого этикета.

В подразделе 3.2.2 «Сложные формулы речевого этикета» анализируются устойчивые словосочетания, предикативные конструкции, распространённые обращения, простые и сложные предложения, а также развёрнутые речевые фрагменты. Их отличие состоит в возможности включить дополнительные компоненты: пояснение, оценку, пожелание, религиозно-нравственный смысл, обоснование просьбы или эмоциональную характеристику адресата.

Среди сложных формул выделяются устойчивые сочетания *субҳ ба хайр* «доброе утро», *шом ба хайр* «добрый вечер», *барори кор* «успехов в работе», *дар паноҳи Худо* «под защитой Бога»; предикативные пожелания *шод бошед*, *саломат бошед*, *баракат ёбед*; формулы просьбы *меҳрубонӣ кунед*, *марҳамат намоед*; усиленные выражения признательности *як ҷаҳон ташаккур*, *як ҷаҳон сипос*; распространённые обращения *меҳмонони азиз*, *модарҷони азизам*, *дадаҷони меҳрубонам*. Группы разграничиваются условно, поскольку одна конструкция может одновременно выразить пожелание, прощание и благословение.

Формулы с компонентом *Худо* сохраняют связь с традиционным представлением о благом исходе и защите адресата. *Худо ниғаҳбон*, *дар паноҳи Худо*, *кушоиши кор диҳад* не ограничиваются вежливым завершением контакта, а выражают доброжелательное участие в судьбе собеседника. Наряду с этим в XX веке закрепляются переводные модели *субҳ ба хайр*, *рӯз ба хайр*, *шом ба хайр*, а современный пласт пополняется сочетаниями *пазиро бошед*, *як ҷаҳон сипос*. Структура этикета тем самым отражает как преемственность, так и межъязыковое взаимодействие.

Сложная формула может строиться вокруг оценочного ядра. В реплике *Бисёр хуб, Мансурҷон* «Очень хорошо, Мансурджон» одобрение соединяется с обращением и последующим пояснением [II. 28, 128]. Формула *Ёдат ба хайр, Аноргул!* «Светлая тебе память, Аноргул!» объединяет воспоминание, скорбь, положительную оценку личности и непосредственное обращение [II. 25, 91]. Коммуникативное содержание таких конструкций не выводится из одного компонента, а формируется всей их организацией.

Особую разновидность образуют эмоционально незавершённые реплики. Формула *Бузурги ман...* «Мой великий...» не получает синтаксического продолжения, однако пауза, авторское указание на прерванное дыхание и слёзы передают глубокое почтение и волнение [II. 27, 295]. Формальная неполнота здесь усиливает, а не ослабляет смысл. В

подобных случаях структура включает не только слова, но и интонационную незавершённость.

Наиболее развёрнутый тип приближается к речевому микротексту. В воспоминании о завершившихся отношениях этикетная функция реализуется последовательностью признания, оценки пережитого и уважительного прощания [II. 8, 233]. Такая конструкция выходит за пределы готового клише, но сохраняет типовую коммуникативную направленность. Она показывает, что сложная формула способна охватывать целый фрагмент речи, если его части объединены единым намерением.

Структурный анализ подтверждает функциональную связь простых и сложных формул. Первые обеспечивают быстрый и узнаваемый речевой контакт; вторые позволяют конкретизировать мотив, степень уважения и эмоциональную позицию. В художественной прозе оба типа служат не только организации диалога, но и характеристике персонажей. Форма реплики раскрывает место человека в социальной и возрастной иерархии, его речевую культуру и способность учитывать положение адресата.

Раздел 3.3 «Национально-культурная специфика формул таджикского речевого этикета» рассматривает исследуемые единицы как носители норм, сложившихся в семейной, общественной и обрядовой жизни. Их содержание связано с уважением к старшим, гостеприимством, религиозно-нравственными представлениями, родственной близостью и ответственностью за произнесённое слово. Национальная специфика обнаруживается не в отдельном слове, а в системе выбора формулы, жеста, темы разговора и допустимой дистанции.

Приветствие в таджикской культуре представляет собой обязательный акт признания собеседника. Словесная формула соотносится с рукопожатием, положением рук, выражением лица и возрастом участников. При обращении к пожилому человеку рукопожатие двумя руками воспринимается как знак особого почтения. В сельской среде приветствие чаще распространяется и на незнакомых людей, встреченных в пределах общей махалли или дороги; в городе оно более избирательно. Различие не отменяет общего значения приветствия как показателя воспитанности.

Национально-культурный смысл особенно отчётливо проявляется в формулах, сопровождающих семейные и общественные события. Рождение ребёнка, свадьба, приобретение дома или новой вещи, приезд гостя требуют словесного участия окружающих. Формула *Муборак шавад!* «Пусть будет благословенным!», «Поздравляю!» употребляется даже при небольшом приобретении и получает ответ *Раҳмат* [II. 22, 358]. В другом эпизоде она помогает отказаться от прямого упрёка и перевести разговор в мирную тональность [II. 20, 386]. Следовательно, благопожелание выполняет и обрядовую, и регулятивную функцию.

В свадебной ситуации формула включена в целостный обряд. Благопожелание *тӯй болои тӯй шавад*, молитвенное *омин*, приветствие *хуш омадед*, поклон, сложенные на груди руки и раскрытие дастархана образуют единую систему гостеприимства [II. 21, 57]. Смысл не принадлежит одному

слову: он создаётся последовательностью вербальных и предметных действий. Такая организация показывает, что речевой этикет неотделим от принятого порядка поведения.

Семейное общение характеризуется сочетанием почтения и заботы. В диалоге о холоде обращения *Бузург* и *писарам* обозначают отношения старшего и младшего, а предложение принести чапан переводит словесное участие в практическое действие [II. 27, 296]. Формула заботы оценивается не по красоте выражения, а по её согласованности с поступком. Тот же принцип действует в предостережении *эхтиёт шав, бачам* «будь осторожен, сынок»: предупреждение передаёт ответственность старшего за благополучие младшего [II. 17, 443].

Историческая многослойность проявляется в системе приветствия. Краткое *салом*, традиционное *ассалому алайкум* и исконное *дуруд* принадлежат разным культурно-стилистическим пластам. Формула *ассалому алайкум* сохраняет устойчивую связь с почтительным началом контакта и широко представлена в прозе начала XX века [II. 4, 206]. Слово *дуруд* в современном художественном употреблении получает также поэтизированное значение приветствия, обращённого к человеку или миру природы [II. 1, 214]. Эти формы не вытесняют друг друга полностью, а распределяются в зависимости от среды, возраста, речевой привычки и стилистической задачи.

Подобная многослойность характерна для прощания. Нейтральное *хайр* обслуживает повседневное завершение разговора; *надруд* чаще связано с длительной разлукой, расставанием с местом или завершением значимого периода [II. 13, 432]. Разговорное *мебинем* «увидимся», «посмотрим» может косвенно завершать беседу, откладывать решение либо смягчать отказ: *Мебинем, додар, мебинем!* [II. 2, 237]. Косвенность такой реплики соответствует стремлению избежать резкой категоричности.

Национальная манера общения обнаруживается и в выборе темы вступительной беседы. Вопрос о здоровье, дороге, погоде или хозяйственных заботах служит знаком внимания и подготавливает основную часть разговора. Смысл подобной реплики определяется не количеством сообщаемой информации, а отношением к человеку. Образный ответ *Бўйи баҳор гирифта рафтааст* «Его унесло запахом весны» содержит не только сообщение об отсутствии, но и ироническую оценку, основанную на культурной символике весны [II. 2, 141].

Современное состояние этикета определяется взаимодействием традиции и новых коммуникативных условий. Средства массовой информации, миграция, интернет и межкультурные контакты ускоряют распространение заимствованных обращений и моделей приветствия. Их освоение оценивается не по происхождению, а по соответствию языковой норме, ситуации и представлениям об уважении. Органично адаптированная формула расширяет возможности общения; механическое подражание, случайное смешение регистров и неосвоенный жаргон нарушают естественность речи.

В художественной прозе национально-культурная функция соединяется с характерологической. Приветствия, обращения, благопожелания, прощания, предостережения и свадебные формулы указывают на историческое время, среду, возраст и нравственную позицию персонажа. Через них сохраняются живые формы общения и одновременно фиксируются изменения, происходящие в речевой практике. Художественный текст тем самым выступает не перечнем готовых выражений, а источником для изучения этикетной формулы в действии.

Материал третьей главы подтверждает взаимосвязь трёх уровней анализа. Семантика формулы раскрывается в ситуации и зависит от стилистической тональности; структура определяет объём и способ выражения коммуникативного намерения; национально-культурное содержание регулирует выбор единицы и сопровождающего поведения. Простые и сложные формулы образуют не изолированные разряды, а единую систему, способную сохранять устойчивое ядро и приспособляться к новым условиям общения.

Формулы таджикского речевого этикета в художественной прозе XX-XXI веков выполняют собственно коммуникативную и художественно-характерологическую функции. Они устанавливают и завершают контакт, выражают уважение, благодарность, сочувствие и нравственную оценку; одновременно раскрывают социальный опыт, воспитание и эмоциональное состояние персонажей. Их устойчивость обеспечивает преемственность речевой культуры, а структурная и стилистическая вариативность отражает изменение общества и расширение коммуникативной практики.

Итоги третьей главы позволяют определить формулы таджикского речевого этикета как многоуровневые единицы, в которых языковая форма соотнесена с речевым действием и культурной нормой. Их значение не может быть установлено вне контекста, структура - вне функции, а национальная специфика - вне системы социальных и нравственных отношений. Именно совокупность этих признаков раскрывает место этикетных формул в современном таджикском литературном языке и их роль в сохранении исторической памяти таджикской речевой культуры.

В заключении обобщены результаты исследования формул речевого этикета современного таджикского литературного языка. На материале художественной прозы XX-XXI веков определено их место в системе речевой коммуникации, охарактеризованы жанровые, семантико-стилистические и структурные особенности, выявлены основные тенденции исторического развития. Полученные результаты свидетельствуют о том, что этикетные формулы выступают не только устойчивыми средствами организации общения, но и носителями исторической памяти, социальных отношений, нравственных установок и национально-культурных норм таджикского общества.

Основные результаты исследования сводятся к следующим положениям:

1. Формулы таджикского речевого этикета представляют собой устойчивые и воспроизводимые единицы коммуникативной системы языка, закреплённые за типичными ситуациями общения. Они реализуются в форме отдельных слов, словосочетаний, предложений и развёрнутых диалогических конструкций. Их коммуникативное значение определяется не только лексико-грамматическим составом, но и положением адресата, характером отношений между собеседниками, интонацией и общей ситуацией употребления.

2. Система таджикского речевого этикета имеет глубокие историко-культурные основания. Её формирование связано с древнеиранской и персидско-таджикской культурной традицией, классической литературой, исламской нравственной мыслью, семейно-бытовыми нормами и народными представлениями о достойном поведении. Изменение внешней формы отдельных единиц не устраняет их связи с исторически сложившимися ценностями уважения, правдивости, сдержанности, гостеприимства и ответственности за слово.

3. Жанровая система таджикского речевого этикета включает обращение, приветствие, прощание, просьбу, приглашение, благодарность, извинение, поздравление, благопожелание, похвалу, комплимент, утешение, соболезнование, предостережение и другие формы речевого взаимодействия. Каждый жанр обладает собственным составом формул, структурными моделями и условиями употребления. В реальной коммуникации жанры могут объединяться: просьба дополняется обращением и объяснением, поздравление – благопожеланием, утешение – советом и выражением участия.

4. Формулы речевого этикета выполняют контактоустанавливающую, контактоподдерживающую, регулятивную, апеллятивную, эмоционально-оценочную, этическую и культурную функции. В конкретной речевой ситуации одна единица может одновременно устанавливать или завершать контакт, выражать отношение говорящего, регулировать поведение адресата и обозначать социальную дистанцию.

5. Выбор этикетной формулы определяется совокупностью социальных, психологических и ситуативных факторов. К ним относятся возраст, социальное положение, профессия, пол, семейная роль, степень знакомства, официальность общения, эмоциональное состояние и индивидуальная речевая манера участников коммуникации. Ни один из этих факторов не действует изолированно: их соотношение устанавливается в каждой конкретной ситуации.

6. Одной из центральных категорий таджикского речевого этикета является уважение. Оно выражается посредством местоименных и глагольных форм, обращений, титулов, родственных наименований, профессиональных обозначений и благопожеланий. Особое значение имеет выбор между формами *ту* «ты» и *Шумо* «Вы». Их употребление зависит от возраста, статуса, степени близости и характера ситуации, а переход от одной

формы к другой может обозначать сближение, отчуждение, конфликт либо намеренное изменение речевой дистанции.

7. Вербальные и невербальные средства образуют единый комплекс этикетного поведения. Словесная формула может сопровождаться рукопожатием, поклоном, положением руки у груди, вставанием перед старшим, выражением лица, изменением интонации, приглашением к дастархану и другими действиями. Невербальное поведение уточняет прагматическое содержание реплики и позволяет установить, выражает ли она уважение, близость, сдержанность, неодобрение или иронию.

8. Семантика формул таджикского речевого этикета имеет контекстуально обусловленный характер. Прямое значение языковой единицы не всегда совпадает с её функцией в диалоге. Одна и та же формула в зависимости от адресата, тона и речевого окружения может передавать почтительность, официальную дистанцию, доверительность, эмоциональную поддержку, иронию или недовольство.

9. Стилистическая выразительность этикетных формул создаётся посредством метафоры, гиперболы, литоты, иронии, метонимии, перифразы, повтора, эпитеты, градации, инверсии и парцелляции. Эти средства выполняют не только художественную, но и коммуникативную функцию: усиливают просьбу или благодарность, смягчают оценку, выражают ласку, уважение, раскаяние, тревогу и эмоциональное напряжение. Их этикетное значение определяется соответствием ситуации и характеру отношений между собеседниками.

10. По структурной организации формулы таджикского речевого этикета подразделяются на простые и сложные. Простые формулы представлены отдельными словами, краткими обращениями и устойчивыми репликами. Сложные образуются словосочетаниями, распространёнными обращениями, предложениями и развёрнутыми диалогическими конструкциями. Между ними существует переходная зона: краткая единица может расширяться за счёт обращения, эпитета, повтора, пояснения, благопожелания или эмоционального комментария.

11. Национально-культурная специфика таджикского речевого этикета наиболее отчётливо проявляется в обращениях к старшим, родственных наименованиях, формулах гостеприимства, благодарности, приглашения, благопожелания, прощания и соболезнования. В них отражаются уважение к возрасту и авторитету, признание семейных связей, почтительное отношение к гостю, стремление смягчить просьбу, поддержать человека и сохранить его достоинство.

12. Формулы речевого этикета сопровождают значимые события личной и общественной жизни: встречу и расставание, рождение ребёнка, свадьбу, приобретение новой вещи, приход гостя, болезнь, утрату близкого человека, выражение утешения и соболезнования. В подобных ситуациях они выполняют не только коммуникативную, но и социально-обрядовую функцию, обозначая участие говорящего в событии и признание его значимости.

13. Развитие таджикского речевого этикета в XX-XXI веках характеризуется взаимодействием преемственности и обновления. В начале XX века значительное место занимали религиозные, сословные и традиционно-статусные обращения. В советский период распространились образовательные, профессиональные, административные и общественно-политические наименования, в том числе единицы, связанные с русско-европейским языковым влиянием. В период независимости наблюдается активизация ряда национально-исторических и религиозно окрашенных форм, приспособленных к современным условиям общения.

14. Историческое развитие формул осуществляется на нескольких взаимосвязанных уровнях. На лексическом уровне появляются новые обращения и выходят из активного употребления отдельные исторически маркированные наименования; на семантическом происходят расширение, сужение и переоценка значений; на структурном — сокращение или распространение формулы; на стилистическом — перераспределение единиц между официальной, нейтральной, разговорной, высокой и сниженной речью.

15. Система речевого этикета включает устойчивое ядро и подвижную периферию. Ядро составляют наиболее частотные и общеизвестные формулы обращения, приветствия, просьбы, благодарности, извинения и прощания. К периферии относятся исторически ограниченные, диалектные, профессиональные, ситуативные и индивидуально-авторские варианты. Наличие устойчивого ядра обеспечивает узнаваемость и нормативность общения, а подвижность периферии позволяет системе приспосабливаться к общественным изменениям.

16. Художественная проза XX-XXI веков является важным источником изучения таджикского речевого этикета. Она фиксирует формулы в конкретной социальной и психологической ситуации, передаёт возраст, положение, жесты, интонацию и ответную реакцию персонажей. Вместе с тем речь литературного героя не всегда представляет нормативный образец: она может включать просторечные, диалектные, архаические, грубые или индивидуально-авторские единицы. Поэтому художественный материал требует контекстуального и историко-стилистического истолкования.

17. Уместность этикетной формулы определяется соответствием коммуникативному намерению, особенностям адресата, сфере и тональности общения, согласованностью вербального и невербального поведения, а также реакцией собеседника. Грамматически правильное выражение не выполняет этикетной функции, если оно не соответствует ситуации, нарушает допустимую дистанцию или воспринимается адресатом как чрезмерно категоричное, фамильярное либо неискреннее.

Обобщение полученных результатов позволило сформулировать концепцию развития формул таджикского речевого этикета в XX-XXI веках. В соответствии с данной концепцией исследуемые единицы образуют исторически изменчивую систему, развитие которой определяется

взаимодействием национальной традиции, общественно-политических преобразований и внутренних закономерностей литературного языка.

Развитие формул речевого этикета не сводится к механической замене старых единиц новыми. Одни формулы сохраняют основное значение и структуру, другие ограничивают сферу употребления, переходят в торжественную, книжную или исторически маркированную речь, третьи возвращаются в активный оборот с новой стилистической окраской. Одновременно возникают новые модели, связанные с изменением общественных институтов, образования, профессионального общения и способов передачи информации.

Преемственность проявляется прежде всего в сохранении ценностной основы этикетной системы. Меняются названия должностей, общественные роли и каналы коммуникации, однако уважение к адресату, внимание к его возрасту и положению, стремление смягчить просьбу, поддержать человека или разделить значимое для него событие сохраняются как устойчивые коммуникативные установки.

Внутренними механизмами развития системы являются грамматическая вариативность, словообразовательная активность, синонимическое замещение, метафоризация, семантическое переосмысление и образование устойчивых сочетаний. К внешним факторам относятся изменение общественного строя, развитие образования и профессиональной среды, миграция, межкультурные контакты и распространение новых средств массовой коммуникации.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в преподавании современного таджикского литературного языка, культуры речи, стилистики, прагматики и межкультурной коммуникации. Этикетные формулы следует изучать не как изолированные соответствия, предназначенные для запоминания, а как компоненты конкретных коммуникативных ситуаций. Учащийся должен понимать, кому, когда, в какой форме и в каком тоне может быть адресована определённая реплика, а также какая ответная реакция предполагается данным жанром.

Материалы диссертации могут быть применены при подготовке учебников, учебных пособий и практических рекомендаций для образовательной, официально-деловой, публичной и профессиональной коммуникации. Они представляют интерес для преподавателей, редакторов, переводчиков, журналистов, работников сферы образования, медицины, государственного управления и обслуживания.

Одним из перспективных направлений является создание словаря формул таджикского речевого этикета. В словарной статье целесообразно указывать жанровую принадлежность, значение, структурный тип, степень официальности, стилистическую окраску, типичного адресата, возрастные и статусные ограничения, характерную ответную реплику и примеры употребления. Электронная версия словаря может быть дополнена аудиозаписями, поскольку интонация играет существенную роль в

разграничении доброжелательности, настойчивости, недовольства и иронии [4; 5].

Дальнейшее исследование должно быть расширено за счёт материала живой устной речи, диалектов, фольклора, средств массовой информации, официально-деловой коммуникации и интернет-общения. Особого внимания заслуживают региональная и поколенческая вариативность, трансформация традиционных формул в цифровой среде, а также речевой этикет профессиональных сообществ [17; 24].

На основании результатов исследования рекомендованы подготовка словаря формул таджикского речевого этикета, включение этикетных моделей в учебные материалы, дальнейшее изучение невербальной коммуникации, а также расширение источников исследования за счёт устной, диалектной, официально-деловой и интернет-коммуникации.

Перспективным является сопоставительное изучение таджикских формул речевого этикета с соответствующими единицами других иранских и соседних языков. Такое сопоставление должно учитывать не только лексическое соответствие, но и коммуникативную функцию, социальную дистанцию, стилистическую окраску и национально-культурные условия употребления.

Таким образом, формулы речевого этикета составляют важную часть современного таджикского литературного языка. В них соединяются историческая память, современная речевая практика и нравственные представления о достоинстве человека. Их развитие определяется сохранением национально-культурной основы и способностью языковой системы приспосабливаться к новым социальным и коммуникативным условиям.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авасто. Китоби 1. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 839 с.
2. Акишина А. А. Русский речевой этикет. – Москва: Просвещение, 1987. – 181 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1986. – С. 250–296.
4. Балакай А. Г. Доброе слово: словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX века: в 2 т. – Кемерово: КГПИ, 1999. – Т. 1. – 312 с.; Т. 2. – 318 с.
5. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2000. – 328 с.
6. Бобочонова Б. Ш. Категория вежливости в таджикском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2001. – 150 с.
7. Бобочонова Б. Роҳҳои ифодаи эҳтиром дар забони тоҷикӣ. – Душанбе: Деваштиҷ, 2003. – 135 с.
8. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура: эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека. – Москва: Научный мир, 2004. – 437 с.
9. Введенская Л. А. Культура и искусство речи: современная риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 64 с.
10. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1985. – Вып. XVI. – С. 251–275.
11. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – Москва: КомКнига, 2005. – С. 108–109.
12. Гольдин В. Е. Речь и этикет. – Москва: Просвещение, 1983. – 109 с.
13. Дементьев В. В. Светская беседа: жанровые доминанты и современность // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2. – С. 157–177.
14. Дементьев В. В. Фатические и информативно-коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 34–44.
15. Джураева М. Р. Языковые способы и средства выражения значения уважительности и вежливости в таджикском языке XVI века: на материале «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи: дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1998. – 138 с.
16. Джураева М. Р. Коммуникативно-прагматический анализ устойчивых формул общения в современных таджикских СМИ. – Душанбе, 2017. – 255 с.
17. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи. – Москва: Наука, 1988. – С. 5–44.

- 18.Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
- 19.Кабириов Ш. Роҳҳои ифодаи эҳтирому фурӯтанӣ дар забони тоҷикӣ // Сухан аз арши барин омадааст: маҷмуи мақолаҳо. – Душанбе, 2014. – С. 50–55.
- 20.Камолиддинов Б. Ҳусни баён. – Душанбе: Маориф, 1989. – 118 с.
- 21.Карасик В. И. Язык социального статуса. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с.
- 22.Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 447 с.
- 23.Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
- 24.Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – С. 103–126.
- 25.Костомаров В. Г. Русский речевой этикет: обращения, формулы приветствия, прощания, благодарности // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 1. – С. 56–62.
- 26.Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 103 с.
- 27.Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2003. – 315 с.
- 28.Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
- 29.Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 284 с.
- 30.Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть», «комплимент» в структуре английской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 206 с.
- 31.Муҳиддинова Т. Ҳ. Одобӣ муошират дар забонҳои англисӣ ва муқоисаи он бо забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2014. – 156 с.
- 32.Одинаев Е. Қ. Одобӣ муоширати муосир. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 320 с.
- 33.Саъдинисо Ҳакимова, Мирбобо Миррахим. Илми ахлоқ ва одоб. – Душанбе: Бухоро, 2017. – 361 с.
- 34.Формановская Н. И. Вы сказали «Здравствуйте!»: речевой этикет в нашем общении. – Москва: Знание, 1987. – 185 с.
- 35.Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. – Москва, 2002. – 234 с.

- 36.Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – Москва: Русский язык, 2002. – 216 с.
- 37.Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. – Москва: Высшая школа, 1989. – 159 с.
- 38.Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика. – Москва: ВК, 2009. – 333 с.
- 39.Қуръони карим: асл ва матни тоҷикӣ. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 616 с.
- 40.Крым И. А. Вербальные и невербальные формулы приветствия // Наука и образование: материалы V Международной научной конференции. – Белово, 2004.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

I. Монография

1. Шукуров, Г. Х. Таджикский речевой этикет (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров. – Душанбе: Промэкспо, 2026. – 155 с.

II. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах ВАК Российской Федерации

2. Шукуров, Г. Х. Роль политических факторов в изменении и развитии таджикского литературного языка в период независимости (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2012. – № 4/5 (94). – С. 79–82.
3. Шукуров, Г. Х. Взгляды российских и европейских исследователей на литературный язык (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2013. – № 4 (119). – С. 21–23.
4. Шукуров, Г. Х. Структурная классификация заимствованной арабской терминологии (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2018. – № 4. – С. 70–73.
5. Шукуров, Г. Х. Взаимосвязь языка и культуры (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2019. – № 5. – С. 152–155.
6. Шукуров, Г. Х. Исследование структуры слов в классическом таджикском языкознании (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2019. – № 3. – С. 163–166.
7. Шукуров, Г. Х. Жанры речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2021. – № 7. – С. 81–87.
8. Шукуров, Г. Х. Невербальные элементы речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – Душанбе: 2022. – № 2 (267). – С. 250–254.
9. Шукуров, Г. Х. Употребление именных частей речи в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2025. – № 3. – С. 42–48.
10. Шукуров, Г. Х. Рассмотрение факторов формирования таджикского речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник

Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2025. – № 4. – С. 39–45.

11. Шукуров, Г. Х. Жанр «Обращение» в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2025. – № 5. – С. 55–60.
12. Шукуров, Г. Х. Жанры «Поздравление» и «Извинение» в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: 2025. – № 6. – С. 41–47.
13. Шукуров, Г. Х. Невербальная коммуникация в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2025. – № 2 (103). – С. 131–138.
14. Шукуров, Г. Х. Особенности таджикской невербальной коммуникации (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2025. – № 3 (104). – С. 127–134.
15. Шукуров, Г. Х. Жанр похвалы в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2025. – № 4 (105). – С. 96–104.
16. Шукуров, Г. Х. Роль национальной культуры в эволюции таджикского речевого этикета: актуальные исследования / Г. Х. Шукуров // Филологические науки: международный научный журнал. – 2026. – № 1. – С. 43–45.
17. Шукуров, Г. Х. Использование художественных средств в таджикском речевом этикете (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2026. – № 2 (107). – С. 77–86.

III. Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах ВАК

Республики Таджикистан

18. Шукуров, Г. Х. Взгляд на историю таджикского литературного языка (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Труды Академии. – 2014. – № 3 (23). – С. 96–98.
19. Шукуров, Г. Х. Отражение речевого этикета в национальной культуре (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Хорогского государственного университета. Серия филологических наук. – Хорог: 2024. – № 3 (31). – С. 187–193.
20. Шукуров, Г. Х. Речевой этикет с точки зрения персидско-таджикских мыслителей (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Таджикского государственного педагогического университета. – Душанбе: 2024. – № 2 (109). – С. 75–82.

21. Шукуров, Г. Х. Анализ функций таджикского речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Вестник Хорогского государственного университета. Серия филологических наук. – Хорог: 2025. – № 3 (03). – С. 234–242.

IV. Материалы конференций

22. Шукуров, Г. Х. Пути развития и распространения таджикского языка (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Материалы республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой 25-летию государственной независимости Республики Таджикистан. – Душанбе: 2016. – С. 416–417.
23. Шукуров, Г. Х. Использование категории уважения в межкультурных связях (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Материалы республиканской научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и сотрудников Таджикского национального университета, посвящённой Годам развития села, туризма и народных ремёсел (2019–2021) и 400-летию Миробида Сайидо Насафи. Т. 2. – Душанбе: 2019. – С. 301.
24. Шукуров, Г. Х. Рассмотрение речевого этикета в лингвистических исследованиях (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию профессора Бахриддина Камолиддинова. – Душанбе: 2019. – С. 84–87.
25. Шукуров, Г. Х. Формулы таджикского речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Материалы республиканской научно-практической конференции «Стилистика и медиалингвистика: проблемы и перспективы». – Душанбе: 2024. – С. 28–33.
26. Шукуров, Г. Х. Семантико-стилистические особенности речевого этикета в таджикском языке / Г. Х. Шукуров // Материалы международной научно-практической конференции «Стратегия и тренды развития журналистики, филологии и лингвистики». – Душанбе: 2024. – С. 240–249.
27. Шукуров, Г. Х. «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси как один из источников формирования таджикского речевого этикета (на таджикском языке) / Г. Х. Шукуров // Материалы международной научно-теоретической конференции «„Шахнаме“ Абулькасима Фирдоуси и его роль в познании истории, культуры и национальной идентичности». – Душанбе: 2025. – С. 338–343.

Подписано в печать 18.09.2026.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,0.
Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии _____
Адрес типографии: _____